

О народных истоках мироощущения Некрасова

"Бесконечная тянется дорога, и на ней, вслед промчавшейся тройке, с тоскою глядит красивая девушка, придорожный цветок, который сомнется под тяжелым, грубым колесом. Другая дорога, уходящая в зимний лес, и близ нее замерзающая женщина, для которой смерть - великое благословение... Опять бесконечная тянется дорога, та страшная, которую народ прозвал проторенной цепями, и по ней, под холодной далекой луной, в мерзлой кибитке, спешит к своему изгнаннику-мужу русская женщина, от роскоши и неги в холод и проклятие", - так писал о творчестве Н. А. Некрасова русский поэт начала XX века К. Д. Бальмонт.

Стихотворением "В дороге" Некрасов начал свой творческий путь, поэмой о странствиях по Руси мужиков-правдоискателей он его закончил. Когда на закате дней Некрасов пытался написать автобиографию, его детские впечатления вновь сопровождала дорога: "Сельцо Грешнево стоит на низовой Ярославско-Костромской дороге, называемой Сибиркой, она же и Владимирка; барский дом выходит на самую дорогу, и все, что по ней шло и ехало, было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства".

Грешневская дорога явилась для Некрасова первым "университетом", широким окном в большой всероссийский мир, началом познания многошумной и беспокойной народной России:

У нас же дорога большая была:
Рабочего званья люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав - воложанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
.....
Случалось, тут целые дни пролетали -
Что новый прохожий, то новый рассказ...

С незапамятных времен дорога вошла в жизнь ярославско-костромского крестьянина. Скучная земля российского Нечерноземья часто ставила его перед вопросом: как прокормить растущую семью? Суровая северная природа заставляла мужика проявлять особую изобретательность в борьбе за существование. По народной пословице, выходил из него "и швец, и жнец, и на дуде игрец": труд на земле волей-неволей сопровождался попутными ремеслами. Издревле крестьяне некрасовского края занимались плотницким ремеслом, определялись каменщиками и штукатурами, овладевали ювелирным искусством, резьбой по дереву, изготовляли колеса, сани и дуги. Уходили они и в бондарный промысел, не чуждо им было и гончарное мастерство. Бродили по дорогам портные, лудильщики, шерстобиты, гоняли лошадей лихие ямщики, странствовали по лесам да болотам с утра до вечера зоркие охотники, продавали по селам и деревням нехитрый красный товар плутоватые коробейники.

Желая с выгодой для семьи употребить свои рабочие руки, устремлялись мужики в города - губернские, Кострому и Ярославль, а чаще всего в столичный Петербург да в первопрестольную Москву-матушку. Как перелетная птица, с наступлением первых зимних холодов, завершив крестьянскую полевую страду, собирался отходник в дальнюю дорогу. Всю зиму трудился он не покладая рук на чужедальней сторонку: строил дома в Москве и Петербурге, катал валенки, дубил кожи, водил по многолюдным местам медведя на потеху честному народу. Когда же начинало пригревать по-весеннему ласковое солнышко, собирал отходник в котомку свой нехитрый инструмент и с легким сердцем, звеня трудовыми пятакими, отправлялся домой, на родину. Звала к себе земля: в труде пахаря-хлебороба любой отходник все-таки видел основу, корень своего существования.

И сновал этот непоседливый люд без числа все по той же дороге, с которой с детства сроднилась душа будущего народного поэта. Еще мальчиком встретил здесь Некрасов крестьянина, не похожего на старого, оседлого хлебороба, кругозор которого ограничивался пределами своей деревни. Отходник далеко побывал, многое повидал. На стороне он не чувствовал повседневного гнета со стороны помещика и управляющего, дышал полной грудью и на мир смотрел широко открытыми глазами. Это был человек независимый и гордый, критически оценивающий окружающее: "И сказкой потешит, и притчу ввернет!"

В нечерноземных оброчных имениях даже при крепостном праве существовало демократическое крестьянское самоуправление. Помещики, проживавшие в городах, давали возможность крестьянам самостоятельно раскладывать оброчную сумму по дворам, в зависимости от их состоятельности, решать на мирских сходках общие вопросы и дела.

Ярославско-костромской край - колыбель народного поэта - наш национальный драматург А. Н. Островский неспроста называл "самой бойкой, самой промышленной местностью Великороссии". "Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?" - вопрошал Гоголь и ответ давал тоже знаменательный: "Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро, живьем с одним топором да долотом снарядил тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да размахнулся, да затянул песню - кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула доро-га, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход, и вот она понеслась, понеслась, понеслась!.."

Среди "бойкого народа" в характере самого Некрасова с детских лет укоренился дух правдоискательства, который искони был присущ его землякам. Народный поэт тоже пошел по дороге отходника, но только не в крестьянском, а в писательском ее существе.

Детские и юношеские годы поэта

Николай Алексеевич Некрасов родился на Украине 28 ноября (10 декабря) 1821 года в Немирове, где служил тогда его отец. Вскоре майор Алексей Сергеевич Некрасов вышел в отставку и осенью 1824 года вернулся с семьей в родные места. В Грешневце он начал обычную жизнь мелкопоместного дворянина, в распоряжении которого было всего лишь 50 душ крепостных. Человек крутого нрава и деспотического характера, он не щадил своих подчиненных. Доставалось подвластным ему мужикам, хватили с ним горя и домочадцы, особенно мать поэта, Елена Андреевна, женщина доброй души и чуткого сердца, умная и образованная. Горячо любившая детей, ради их счастья и спокойствия, ради их будущего она терпеливо сносила и в меру своих слабых сил смягчала царивший в доме произвол.

Крепостническое самодурство в те годы было явлением обычным, почти повсеместным, но с детских лет глубоко уязвило оно душу поэта, потому что жертвой оказался не только он сам, не только грешневские крестьяне и дворовые, но и любимая "русокудрая, голубоокая" мать поэта. "Это... было раненное в самом начале жизни сердце, - говорил о Некрасове Достоевский, - и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь".

Но и от своего отца Некрасов унаследовал некоторые положительные качества - силу характера, твердость духа, завидное упрямство в достижении цели:

Как требовал отцовский идеал:

Рука тверда, глаз верен, дух испытан.

От Алексея Сергеевича поэт с детства заразился и охотничьей страстью, той самой, которая впоследствии давала ему счастливую возможность искреннего, сердечного сближения с мужиком. Именно в Грешневце завязалась глубокая дружба Некрасова с крестьянами, которая питала потом его душу и творчество на протяжении всей жизни:

Приятно встретиться в столице шумной с другом Зимой,
Но друга увидеть, идущего за плугом
В деревне в летний зной,-
Стократ приятнее...

Так писал Некрасов летом 1861 г. в Грешневе, куда он часто наезжал после примирения с отцом.

Ссора с ним произошла по известному и весьма характерному поводу. Рано стал тяготиться Некрасов крепостническим произволом в доме отца, рано стал заявлять свое несогласие с отцовским образом жизни. В Ярославской гимназии он уже целиком отдался второй любимой страсти, унаследованной от матери, - литературе, театру. Юноша не только много читал, но и пробовал свои силы на литературном поприще. К моменту решающего поворота в его судьбе у Некрасова была тетрадь собственных стихов, написанных в подражание модным тогда романтическим поэтам:

Я отроком покинул отчий дом
(За славой я в столицу торопился)...

"Петербургские мытарства". 20 июля 1838 года шестнадцатилетний Некрасов отправился в дальний путь с "заветной тетрадь". Вопреки воле отца, желавшего видеть сына в военном учебном заведении, Некрасов решил поступить в университет. Узнав о его намерении, Алексей Сергеевич пришел в ярость, отправил сыну письмо с угрозой лишить его всякой материальной поддержки и помощи. Но крутой характер отца столкнулся с решительным нравом сына. Произошел разрыв: Некрасов остался в Петербурге один, без всякой поддержки и опоры. Началась жизнь, совершенно не похожая на жизнь обычного дворянского сына. Будущий поэт сам избрал для себя путь тернистый, типичный скорее для бедного разночинца, своим трудом пробивающего себе дорогу. Неудовлетворительная подготовка в Ярославской гимназии не позволила ему выдержать экзамен в университет, но упорный Некрасов определился вольнослушателем и в течение трех лет посещал занятия на филологическом факультете.

"Петербургскими мытарствами" называют обычно этот период в жизни Некрасова. И в самом деле, неудач было слишком много: провал на экзаменах в университет, разнос в критике первого сборника подражательных, ученических стихов "Мечты и звуки", полуголодное существование, наконец, поденная, черновая работа в столичных журналах, работа ради куска хлеба, не приносящая подчас никакого морального удовлетворения. Но одновременно "хождение по мукам" формировало стойкий и мужественный характер, закалило поэта, а главное, открыло перед ним жизнь петербургских низов, жизнь тех же мужиков, но только не в деревенском, а в городском, отходническом их быту. В поисках заработка на первых порах петербургской жизни частенько приходил Некрасов на Сенную площадь, где собирался простой народ: торговали своими изделиями ремесленники и мастеровые, продавали овощи и молочные продукты крестьяне из окрестных сел и деревень. За грошовую плату писал будущий поэт неграмотным мужикам прошения и жалобы, а одновременно прислушивался к народной молве, узнавал сокровенные мысли и чувства, бродившие в умах и сердцах трудовой России. С накоплением жизненных впечатлений шло накопление литературных сил, уже опирающихся на глубокое понимание общественной несправедливости.

Литературный талант Некрасова подмечает издатель театрального журнала "Репертуар и пантеон" Ф. А. Кони. Не без его поддержки юноша пробует силы в театральной критике, но обретает некоторую популярность как автор стихотворных фельетонов ("Говорун", "Чиновник") и водевилей ("Актер", "Петербургский ростовщик"). В этих произведениях Некрасов ищет и подчас находит демократического зрителя и читателя. Увлечение драматургией не проходит бесследно и для его поэтического творчества: драматический элемент пронизывает некрасовскую лирику, отражается в поэмах "Русские женщины", "Современники", "Кому на Руси жить хорошо".

Встреча с В. Г. Белинским

В ходе этого духовного возмужания судьба свела Некрасова с человеком, которого до конца дней он считал своим учителем, перед кем смиренно "преклонял колени". Поэт встретился с В. Г. Белинским в 1843 году, когда "неистовый Виссарийон", как его называли друзья, был увлечен утопическим социализмом и клеймил существующее в России общественное неравенство: "Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности?.. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкою чиновника..."

Сильно подействовали на восприимчивого юношу социалистические убеждения Белинского. Ведь горькую долю бесприютного бедняка Некрасов испытал на своем собственном опыте: "петербургские мытарства" научили его в каждом нищем видеть своего собрата, искренне сочувствовать несчастьям и бедам народным, глубоко любить "золотое народное сердце". Социалистические идеи пали на благодатную почву, они нашли в душе поэта самый прямой и прочувствованный отклик. Впоследствии Некрасов заплатил щедрую дань любви и благодарности своему учителю в стихотворении "Памяти Белинского", в поэме "В. Г. Белинский", в сценах из лирической комедии "Медвежья охота":

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Именно теперь Некрасов выходит в поэзии на новую дорогу, создавая первые, глубоко реалистические стихи с демократической тематикой. Восторженную оценку Белинского, как известно, вызвало стихотворение Некрасова "В дороге" (1845). Прослушав его, Белинский не выдержал и воскликнул, обращаясь к Некрасову: "Да знаете ли вы, что вы поэт - и поэт истинный!"

Наряду с поэзией Некрасов в эти годы пробует силы и в прозе. Особо выделяется его незаконченный роман "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" (1843-1848), произведение во многом автобиографическое, связанное с "петербургскими мытарствами". Отдельные сюжеты и тематические мотивы этого романа Некрасов разовьет потом в поэзии - "Несчастные", "На улице", "О погоде", "Ванька", "Извозчик" и др.

Талант Некрасова-журналиста

Белинский высоко ценил острый критический ум Некрасова, поэтический талант, глубокое знание народной жизни и унаследованную от ярославцев деловитость и предприимчивость. Вместе с Белинским Некрасов становится организатором литературного дела. Он собирает и публикует в середине 40-х годов два альманаха - "Физиология Петербурга" и "Петербургский сборник". В них печатают очерки, повести и рассказы о жизни столичной бедноты друзья Белинского и Некрасова, писатели передового образа мысли, сторонники "гоголевского", критического направления.

В 1847 году в руки Некрасова и его друзей (И. И. Панаева, Белинского, Тургенева) переходит журнал "Современник", основанный А. С. Пушкиным, потускневший после его смерти под редакцией П. А. Плетнева и теперь заново возрожденный. С журналом "Современник" будут связаны лучшие русские писатели 40-60-х годов. При участии Некрасова Тургенев публикует здесь "Записки охотника", И. А. Гончаров - роман "Обыкновенная история", Д. В. Григорович - повесть "Антон Горемыка", А. И. Герцен - повести "Сорока-воровка" и "Доктор Крупов", Белинский - поздние критические статьи.

Однако начавшийся к концу 40-х годов в России общественный подъем на самом его взлете подсекает страшный удар. В феврале 1848 года вспыхивает революция во Франции, и перепуганный Николай I решает разом пресечь всякое "вольномыслие". Арестованы члены кружка Петрашевского, подобная же участь угрожает Белинскому, но, как с горечью писал Некрасов, "тут услужливо могила ему объятья растворила". В стране начался один из самых тяжелых периодов ее истории, получивший название "мрачное семилетие":

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.

Так писал Некрасов в сатире "Недавнее время" о трудных годах, которые переживала тогда и наша литература. Придирки цензоров доходили до нелепости: даже в поваренных книгах вычеркивалось словосочетание "вольный дух". Случалось, что перед выходом в свет "Современника" цензура запрещала к публикации добрую треть материала, и тогда Некрасову приходилось проявлять невероятную изобретательность, чтобы спасти журнал от катастрофы. Именно в этот период он совместно с женой, А. Я. Панаевой, пишет два объемных романа "Три страны света" и "Мертвое озеро", призванные заполнять запрещенные цензурой страницы журнала. В суровых условиях оттачивается мастерство Некрасова-редактора, его умение ловко обходить цензурные препятствия. На своей квартире он устраивает еженедельные обеды, в которых, наряду с сотрудниками журнала, принимают участие цензоры, волей-неволей смягчающие свой нрав в интимной обстановке да еще в кругу знаменитых литераторов. Использует Некрасов и свои знакомства с высокопоставленными людьми как член Английского клуба и искусный игрок в карты.

После смерти Белинского, в 1848 году Некрасов подключается к работе в литературно-критическом разделе журнала. Его перу принадлежит ряд блестящих критических статей, среди которых выделяется очерк "Русские второстепенные поэты" (1850), восстанавливающий пошатнувшуюся в 40-е годы репутацию поэзии.

Великая заслуга Некрасова-редактора перед русской литературой заключается и в том, что, обладая редким эстетическим чутьем, он выступал в роли первооткрывателя новых литературных талантов. Благодаря Некрасову на страницах "Современника" появились первые произведения Л. Н. Толстого: "Детство", "Отрочество", "Юность" и "Севастопольские рассказы". В 1854 году по приглашению Некрасова постоянным сотрудником "Современника" стал идеолог русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский, а затем литературный критик Н. А. Добролюбов. Когда в 1859 году произойдет исторически неизбежный разрыв либералов с революционерами-демократами и многие талантливые писатели либерального образа мысли уйдут из "Современника", Некрасов-редактор найдет новые писательские дарования в среде беллетристов-демократов и в литературном отделе журнала увидят свет произведения Н. В. Успенского, Ф. М. Решетникова, Н. Г. Помяловского, В. А. Слепцова, П. И. Якушкина, Г. И. Успенского и др.

В 1862 году после петербургских пожаров поднимается очередная волна гонений на передовую общественную мысль. Распоряжением правительства "Современник" приостанавливается на восемь месяцев (июнь - декабрь 1862 года). В июле 1862 года арестован Чернышевский. В этих драматических условиях Некрасов предпринимает энергичные попытки спасти журнал, а после официального разрешения в 1863 году печатает на страницах "Современника" программное произведение русской революционной демократии, роман "Что делать?" Чернышевского.

В июне 1866 года, после выстрела В. В. Каракозова в Александра II, власти вновь запрещают издание "Современника". Рискнув своей репутацией, во имя спасения журнала Некрасов решается на "неверный звук": он произносит в Английском клубе стихи, посвященные О. И. Комиссарову, официально объявленному спасителем царя от покушения Каракозова. Но все эти отчаянные попытки спасти журнал остались безрезультатными и явились предметом мучительных угрызений совести и раскаяния.

Только спустя полтора года Некрасову удается арендовать у А. А. Краевского журнал "Отечественные записки". С 1868 года и до самой смерти Некрасов остается бессменным редактором этого журнала, объединяющего прогрессивные литературные силы 70-х годов. В редакцию "Отечественных записок" Некрасов приглашает М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева. В отделе беллетристики печатаются А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, С. В. Максимов, Г. И. Успенский, А. И. Левитов и другие писатели демократического лагеря. Отделом критики руководит Д. И. Писарев, а после его смерти - А. М. Скабичевский и Н. К.

Михайловский. Отдел публицистики ведут Г. З. Елисеев и С. Н. Кривенко. Журнал "Отечественные записки" разделяет в 70-е годы славу запрещенного "Современника" и стоит в самом центре общественной и литературной борьбы. Деятельность Некрасова-редактора принадлежит к числу самых ярких страниц в истории русской журналистики.

Поэтический сборник Некрасова 1856 года

В самом начале общественного подъема 60-х годов, в 1856 году, выходит в свет поэтический сборник Некрасова, принесший поэту славу и невиданный литературный успех. "Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли "Ревизор" или "Мертвые души" имели такой успех, как Ваша книга",- сообщал поэту Н. Г. Чернышевский. "А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус,- жгутся",- сказал Тургенев примечательные слова. Готовя книгу к изданию, Некрасов действительно проделал большую работу, собирая стихотворения "в один фокус", в единое целое, напоминающее мозаическое художественное полотно. Таков, например, цикл "На улице". Одна уличная драма сталкивается с другой, другая сменяется третьей, вплоть до итоговой формулы поэта: "Мерещится мне всюду драма". Совокупность сценок придает стихам некоторый дополнительный смысл: речь идет уже не о частных, отрывочных эпизодах городской жизни, а о "преступном состоянии мира", в котором существование возможно лишь на унижительных условиях. В этих уличных сценках уже предчувствуется Достоевский, уже предвосхищаются образы будущего романа "Преступление и наказание". Достоевский и сам признавал впоследствии огромное влияние поэзии Некрасова на его творчество. Узнав о смерти поэта, он просидел за томиком его стихов целую ночь. "... В эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет занимал места в моей жизни!"

Некрасов о судьбах русской поэзии

Сборник Некрасова 1856 года открывался эстетической декларацией "Поэт и гражданин", в которой отражались драматические раздумья поэта о соотношении высокой гражданственности с поэтическим искусством. Эта проблема не случайно приобрела особую актуальность на заре 60-х годов, в преддверии бурного общественного подъема. Стихи представляют собой диалог поэта и гражданина. У этих героев за плечами тяжелые годы "мрачного семилетия", страшно понизившие духовный уровень русского общества. Это в равной мере остро чувствуют и поэт, и гражданин. Новое время требует возрождения утраченного в обществе идеала высокой гражданственности, основанной на "всеобнимающей любви" к Родине:

Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян.
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!

Оно же требует и возрождения идеала высокой поэзии, олицетворением которого в стихах Некрасова является Пушкин. Но нельзя не заметить, что диалог поэта и гражданина пронизан горьким ощущением ухода в прошлое той эпохи в истории отечественной культуры, которая была отмечена всеобнимающим, гармоническим гением Пушкина, достигшим высшего синтеза, органического единства высокой гражданственности с высоким искусством. Солнце пушкинской поэзии закатилось, и пока нет никакой надежды на его восход:

Нет, ты не Пушкин. Но куда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Так говорит гражданин, требующий от поэта в новую эпоху более суровой и аскетичной гражданственности, уже отрицающей "красу небес" и "ласки милой", уже существенно ограничивающей полноту поэтического мироощущения.

В стихотворении Некрасова отразились глубокие размышления поэта о драматизме развития русского поэтического искусства в эпоху 60-х годов. Образ поэта сполна воплощает в себе этот драматизм. Перед нами герой, находящийся на распутье и как бы олицетворяющий разные тенденции в развитии русской поэзии тех лет, чувствующий намечающуюся дисгармонию между "гражданской поэзией" и "чистым искусством".

Поэзия эпохи 50-60-х годов действительно окажется расколотой на два враждующих друг с другом течения: рядом с Некрасовым встанет Фет. Причем раскол в поэзии середины века возникнет в спорах о пушкинском наследии. Сторонники "чистого искусства", объявляя себя истинными наследниками Пушкина, будут ссылаться на строки из стихотворения "Поэт и толпа": "Не для житейского волнения..." Поэты демократического лагеря, отстаивая свое понимание верности Пушкину, будут цитировать из "Памятника":

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Каждая из сторон опирается на действительно присущие многогранному и гармоничному гению Пушкина эстетические принципы. Но если в Пушкине они были едины, то в середине XIX века, в эпоху резкой драматизации общественных страстей, они оказались разведенными по разные стороны баррикады. Сохранить свойственную Пушкину цельность, полноту и непосредственность восприятия мира можно было только ценою ухода от гражданских бурь современности. Поэтическая свежесть, природная чистота и ненадломленность лирики Фета достигалась путем отключения творчества от гражданских страстей и ухода в чистые созерцания природы и любви. Стремление Фета сохранить гармонию в условиях дисгармонической действительности заставляло предельно сокращать тематическое разнообразие стихотворений. Об этой особенности его лирики хорошо сказал А. В. Дружинин, точно оценивший сильные и слабые ее стороны.

Некрасовский поэт слишком остро "видит невозможность служить добру, не жертвуя собой". Демократическая поэзия, не чуждающаяся злобы дня, открытая дисгармонии окружающего мира, подчас жертвует искусством, его поэтической игрой ради "добрых чувств". Разумеется, вторгающаяся в стихи Некрасова и поэтов "некрасовской школы" социальная дисгармония накладывает на их творчество особый отпечаток. В сравнении с поэзией "чистого искусства" здесь более активизировано аналитическое начало, более ощутимо воздействие прозы. Назвав свой стих "суровым и неуклюжим", Некрасов не кокетничал со своими читателями. По словам А. Блока, мученики "чаще косноязычны, чем красноречивы". Но в этой суровости была своя правда и своя красота: дисгармоничность художественной формы имела тут особую драматическую содержательность. Именно с этим связан успех поэтического сборника 1856 года, прокладывавшего в русской поэзии новые пути.

Вслед за "Поэтом и гражданином", являвшимся своеобразным вступлением, в сборнике шли четыре раздела из тематически однородных и художественно тяготеющих друг к другу стихов: в первом - стихи о жизни народа, во втором - сатира на его недругов, в третьем - поэма "Саша", в четвертом - интимная лирика, стихи о дружбе и любви.

Народ в лирике Некрасова

Поэтическое "многоголосье". Внутри каждого раздела стихи располагались в продуманной последовательности. В поэму о народе и его грядущих судьбах превращался у Некрасова весь первый раздел сборника. Открывалась эта поэма стихотворением "В дороге", а завершалась "Школьником". Стихи перекликались друг с другом. Их объединял образ проселочной дороги, разговоры барина в первом стихотворении - с ямщиком, в последнем - с крестьянским мальчуганом.

Мы сочувствуем недоверию ямщика к господам, действительно погубившим его несчастную жену Грушу. Но сочувствие это сталкивается с глубоким невежеством ямщика: он с недоверием относится к просвещению и в нем видит пустую господскую причуду:

На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Иногда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет...

И вот в заключение раздела снова тянется дорога - "небо, ельник и песок". Внешне она так же невесела и неприветлива, как и в первом стихотворении. Но в народном сознании совершается между тем благотворный переворот:

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Тянется дорога, и на наших глазах изменяется, светлеет крестьянская Русь, устремляясь к знанию, к университету. Пронизывающий стихи образ дороги приобретает у Некрасова не только бытовой, но и условный, метафорический смысл: он усиливает ощущение перемены в духовном мире крестьянина.

Некрасов-поэт очень чуток к тем изменениям, которые совершаются в народной среде. В его стихах крестьянская жизнь изображается по-новому, не как у предшественников и современников. На избранный Некрасовым сюжет существовало много стихов, в которых мчались удалые тройки, звенели колокольчики под дугой, звучали песни ямщиков. В начале своего стихотворения "В дороге" Некрасов именно об этом и напоминает читателю:

Скучно! Скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку...

Но сразу же, круто, решительно, он обрывает обычный и привычный в русской поэзии ход. Что поражает нас в этом стихотворении? Конечно же, речь ямщика, начисто лишенная привычных народно-песенных интонаций. Кажется, будто голая проза бесцеремонно ворвалась в стихи: говор ямщика коряв и груб, насыщен диалектизмами. Какие новые возможности открывает перед Некрасовым-поэтом такой "приземленный" подход к изображению человека из народа?

Заметим: в народных песнях речь, как правило, идет об "удалом ямщике", о "добром молодце" или "красной девице". Все, что с ними случается, приложимо ко многим людям из народной среды. Песня воспроизводит события и характеры общенационального значения и звучания. Некрасова же интересует другое: как народные радости или невзгоды проявляются в судьбе именно этого, единственного героя. Его привлекает в первую очередь личность крестьянина. Общее в крестьянской жизни поэт изображает через индивидуальное, неповторимое. Позднее в одном из стихотворений поэт радостно приветствует деревенских друзей:

Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

Так ведь и случается в его поэзии, что ни мужик, то неповторимая личность, единственный в своем роде характер.

Пожалуй, никто из современников Некрасова не дерзал так близко, вплотную сойтись с мужиком на страницах поэтического произведения. Лишь он смог тогда не только писать о народе, но и "говорить народом", впуская крестьян, нищих, мастеровых с их разным восприятием мира, разным языком в свои стихи. И такая поэтическая дерзость Некрасову дорого стоила: она явилась источником глубокого драматизма его поэзии. Драматизм этот возникал не только потому, что было мучительно трудно извлекать поэзию из такой жизненной прозы, в которую до Некрасова никто из поэтов не проникал, но еще и потому, что такое приближение поэта к народному сознанию разрушало многие иллюзии, которыми жили его современники. Подвергалась поэтическому анализу, испытывалась на прочность та "почва", в незыблемость которой по-разному, но с одинаковой бескомпромиссностью верили люди разных направлений и партий. Чернышевский и Добролюбов укрепляли свою веру в крестьянскую социалистическую революцию, идеализируя общинный уклад народной жизни, связывая с ним социалистические инстинкты в характере русского мужика. Толстой и Достоевский верили в незыблемость иных, патриархально-христианских начал народной нравственности. Не потому ли народ в их больших романах - целостное единство, мир, от которого неотделимы ни "круглый" Платон Каратаев, ни цельная Сонечка Мармеладова.

Для Некрасова народ тоже был "почвой" и "основой" национального существования. Но там, где его современники останавливались, поэт шел дальше, отдавался анализу и открывал в народе такое, что заставляло его мучиться и страдать:

Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал...

Его вера в народ подвергалась гораздо большим искушениям, чем вера Толстого и Достоевского, с одной стороны, или Добролюбова и Чернышевского - с другой. Но зато и народная жизнь на страницах его поэтических произведений оказалась более многоцветной и разноликой, а способы ее поэтического воспроизведения - более многообразными. В первом разделе поэтического сборника 1856 года определились не только пути движения и роста народного самосознания, но и формы изображения народной жизни. Стихотворение "В дороге" - это начальный этап: здесь лирическое "я" Некрасова еще в значительной степени отстранено от сознания ямщика. Голос ямщика предоставлен самому себе, голос автора - тоже. Но по мере того как в народной жизни открывается поэту высокое нравственное содержание, преодолевается лирическая разобщенность. Прислушаемся, как звучат те же голоса в стихотворении "Школьник":

- Ну, пошел же, ради Бога!
Небо, ельник и песок -
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Чьи мы слышим слова? Русского интеллигента, дворянина, едущего по невеселому нашему проселку, или ямщика-крестьянина, понукающего усталых лошадей? По-видимому, и того и другого, два эти голоса слились в один:

Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Так мог бы сказать об отце школьника его деревенский сосед. Но говорит-то здесь Некрасов: народные интонации, сам речевой склад народного языка принял он в свою душу.

О ком идет речь в стихотворении "Несжатая полоса"? Как будто о больном крестьянине. Даже приметы осеннего пейзажа - "поля опустели" - схвачены здесь глазами пахаря. И беда осмыслена с крестьянской точки зрения: жаль неубранной полосы, несобранного урожая. По-крестьянски одушевляется и земля-кормилица: "Кажется, шепчут колосья друг другу..." "Помирать собрался, а рожь сей",- говорили в народе. И с наступлением смертного часа крестьянин думал не о себе, а о земле, которая останется без него сироткою. Но читаешь

стихотворение и все более и более ощущаешь, что это очень личные, очень лирические стихи, что глазами пахаря поэт смотрит на себя. Так оно и было. "Несжатую полосу" Некрасов писал тяжело больным, перед отъездом за границу на лечение в 1855 году. Поэта одолевали грустные мысли; казалось, что дни уже сочтены, что в Россию он может не вернуться. И тут мужественное отношение народа к бедам и несчастьям помогало Некрасову выстоять перед ударом судьбы, сохранить духовные силы. Образ "несжатой полосы", как и образ "дороги" в предыдущих стихах, обретает у Некрасова переносный, метафорический смысл: это и крестьянская нива, но и "нива" поэтического труда, тяга к которому у больного поэта сильнее смерти, как сильнее смерти любовь хлебороба к труду на земле, к трудовой ниве.

В свое время Достоевский в речи о Пушкине говорил о "всемирной отзывчивости" русского национального поэта, умевшего чувствовать чужое как свое, проникаться духом иных национальных культур. Некрасов многое от Пушкина унаследовал. Муза его удивительно прислушлива к народному миропониманию, к разным, подчас очень далеким от поэта характерам людей. Это качество некрасовского таланта проявилось не только в лирике, но и в поэмах из народной жизни.

Своеобразие сатирических стихов Некрасова

Во втором разделе сборника Некрасов выступает как очень оригинальный сатирический поэт. В чем заключается его своеобразие? У предшественников Некрасова сатира была по преимуществу карающей: Пушкин видел в ней "витийства грозный дар". Сатирический поэт уподоблялся античному Зевсу-громовержцу. Он высоко поднимался над сатирическим героем и метал в него молнии испепеляющих, обличительных слов.

Послушаем начало сатиры поэта-декабриста К. Ф. Рылеева "К временщику":

Надменный временщик, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный...

А у Некрасова все иначе, все наоборот! В "Современной оде" он старается, напротив, как можно ближе подойти к обличаемому герою, проникнуться его взглядами на жизнь, подстроиться к его самооценке:

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И - беру небеса во свидетели -
Уважаю тебя глубоко...

Более того, в стихах "Нравственный человек" и "Отрывки из путевых записок графа Гаранского" герои уже сами о себе и сами за себя говорят. А мы смеемся, мы негодуем! Почему? Да потому, что Некрасов "приближается" к своим героям с издевкой: намеренно заостряет враждебный ему образ мыслей. Вот его герои как бы и не нуждаются в обличении извне: сами себя они достаточно глубоко разоблачают. При этом мы проникаем вместе с поэтом во внутренний мир сатирических персонажей, явными оказываются самые потаенные уголки их мелких, подленьких душ. Именно так обличает Некрасов впоследствии и знатного вельможу в "Размышлениях у парадного подъезда". Почти буквально воспроизводит он взгляд вельможи на счастье народное и пренебрежение к заступникам народа:

... Щелкоперов забавою
Ты народное счастье зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

Повествование о вельможе выдержано в тоне иронического восхваления, подобного тому, какое использует поэт и в "Современной оде". В поэме "Железная дорога" мы услышим монолог генерала. Некрасов дает герою выговориться до конца, и этого оказывается достаточно, чтобы заклеить генеральское презрение к народу и его труду. Некрасовская

сатира, давшая толчок юмористической поэзии В. В. и Н. В. Курочкиных, Д. Д. Минаева и других поэтов - сотрудников сатирического журнала "Искра", по сравнению с поэтической сатирой его предшественников последовательно овладевает углубленным психологическим анализом, проникает в душу обличаемых героев.

Нередко использует Некрасов и сатирический "перепев", который нельзя смешивать с пародией. В "Колыбельной песне (Подражание Лермонтову)" воспроизводится ритмико-интонационный строй лермонтовской "Казачьей колыбельной", частично заимствуется и ее высокая поэтическая лексика, но не во имя пародирования, а для того, чтобы на фоне воскрешенной в сознании читателя высокой стихии материнских чувств резко оттенялась низменность тех отношений, о которых идет речь у Некрасова. Пародийное использование ("перепев") является здесь средством усиления сатирического эффекта.

Поиск "нового человека"

Третий раздел сборника, поэма "Саша", - это один из первых опытов поэтического эпоса Некрасова, органически вытекающего из стремления его к широкому охвату жизни. Поэма создавалась в счастливое время подъема общественного движения. В стране назревали крутые перемены, ожидалось появление "новых людей" с сильными характерами. Всем было ясно: эти люди должны появиться из общественных слоев, близко стоящих к народу. В поэме "Саша" Некрасов, предвосхищая Тургенева и Чернышевского, хотел показать, как рождаются "новые люди" и чем они отличаются от прежних героев - дворян, "лишних людей".

Духовная сила человека, по Некрасову, питается мерою связей его с народом. Чем глубже эта связь, тем устойчивее и значительнее оказывается человек, и наоборот. Лишенный корней в родной земле, человек уподобляется степной траве перекаченного поля. Таков культурный дворянин Агарин. Это умный, одаренный и образованный человек, но в характере "вечного странника" нет твердости и веры:

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:
Верить, не верить - ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Агарину противопоставлена дочь мелкопоместных дворян, юная Саша. Ей доступны радости и печали простого деревенского детства: по-народному воспринимает она природу, любит праздничными сторонами крестьянского труда на кормилице-ниве. В повествование о Саше и Агарине Некрасов вплетает любимую крестьянством евангельскую притчу о сеятеле и почве. Крестьянин-хлебороб уподоблял просвещение посеву, а его результаты - земным плодам, вырастающим из семян на трудовой ниве. В роли "сеятеля знаний на ниву народную" выступает в поэме Агарин, а благодатной почвой оказывается душа юной героини. Социалистические идеи, с которыми знакомит Агарин Сашу, падают в плодородную почву и обещают в будущем "пышный плод". Героев "слова" скоро сменят герои "дела".

Поэма "Саша" была принята современниками с особым воодушевлением: в общественной жизни тех лет уже начиналось вытеснение культурных дворян разночинцами.

Своеобразие любовной лирики

Оригинальным поэтом выступил Некрасов и в заключительном, четвертом разделе поэтического сборника 1856 года: по-новому он стал писать и о любви. Предшественники поэта предпочитали изображать это чувство в прекрасных мгновениях. Некрасов, поэтизируя взлеты любви, не обошел вниманием и ту "прозу", которая "в любви неизбежна" ("Мы с тобой бестолковые люди..."). В его стихах рядом с любящим героем появился образ независимой героини, подчас своенравной и неуступчивой ("Я не люблю иронии твоей..."). А потому и отношения между любящими стали в лирике Некрасова более сложными: духовная близость сменяется размолвкой и ссорой, герои часто не понимают друг друга, и это непонимание омрачает их любовь ("Да, наша жизнь текла мятежно..."). Такое непонимание вызвано иногда

разным воспитанием, разными условиями жизни героев. В стихотворении "Застенчивость" робкий, неуверенный в себе разночинец сталкивается с надменной светской красавицей. В "Маше" супруги не могут понять друг друга, так как получили разное воспитание, имеют разное представление о главном и второстепенном в жизни. В "Гадающей невесте" - горькое предчувствие будущей драмы: наивной девушке нравится в избраннике внешнее изящество манер, модная одежда. А ведь за этим наружным блеском часто скрывается пустота. Наконец, очень часто личные драмы героев являются продолжением драм социальных. Так, в стихотворении "Еду ли ночью по улице темной..." во многом предвосхищаются конфликты, характерные для романа Достоевского "Преступление и наказание", для мармеладовской темы в нем.

Таким образом, успех поэтического сборника 1856 года не был случайным: Некрасов заявил в нем о себе как самообытный поэт, прокладывающий новые пути в литературе. Главным источником поэтического своеобразия его творчества явилась глубокая народность, связанная с демократическими убеждениями поэта.

Поэзия Некрасова в преддверии реформы 1861 года

Накануне крестьянской реформы 1861 года вопрос о народе и его исторических возможностях, подобно вопросу "быть или не быть?", встал перед людьми революционно-демократического образа мысли. Разочаровавшись к 1859 году в перспективах реформ "сверху", они ожидали освобождения "снизу", питали надежду на крестьянскую революцию. Некрасов не сомневался в том, что именно народ, многомиллионное крестьянство, является основной и решающей исторической силой страны. И тем не менее самую задушевную поэму о народе, написанную в 1857 году, он назвал "Тишина".

Поэма эта знаменовала некоторый поворот в развитии Некрасова. Поиски творческого начала в жизни России на заре 60-х годов были связаны с интеллигенцией: она является главным героем трех предшествующих поэм: "В. Г. Белинский", "Саша", "Несчастные". К народу в этих произведениях Некрасов выходил не прямо, а косвенно: через заступников народных, страдальцев и мучеников за правду. В "Тихине" поэт впервые с надеждой и доверием обратился сам к народу:

Все рожь крутом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

В лирической исповеди поэта ощущается народный склад ума, народное отношение к бедам и невзгодам. Стремление растворить, рассеять горе в природе - характерная особенность народной песни: "Разнеси мысли по чистым нашим полям, по зеленым лужкам". Созвучны ей и масштабность, широта поэтического восприятия, "врачующий простор". Если в поэмах "В. Г. Белинский", "Несчастные" идеал русского героя-подвижника воплощался у Некрасова в образе гонимого "народного заступника", то в "Тихине" таким подвижником становится весь русский народ, собирающийся под своды сельского храма:

Храм воздыханья, храм печали -
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил -
И облегченный уходил!

Почему тоску народа Некрасов называет "святым бременем"? Как объяснить, что демократ-шестидесятник создает религиозные стихи, исполненные такой суровой красоты, такой высокой скорбной силы? Вспомним, что становление демократических взглядов Некрасова совершалось во второй половине 40-х годов, когда передовые умы России были

захвачены идеями французских социалистов-утопистов. Это были социалисты-мечтатели, идеи братства, равенства и свободы они считали "новым христианством", продолжением и развитием нравственных заповедей Иисуса Христа. Социалисты-утописты, как правило, критиковали официальную церковь, но этические идеи христианства, связанные с проповедью социального равенства и человеческого братства, они считали "святым бременем", зерном, из которого вырастает идея нового, справедливого, социалистического общества.

Русские их последователи были подчас сторонниками более решительной, революционной ломки старого мира. Но в области этической, нравственной они шли за своими предшественниками. Белинский в знаменитом письме к Гоголю называл православную церковь "опорою кнута, угодницею деспотизма", однако Христа он при этом не только не отрицал, а прямо считал его предтечей современного социализма: "Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения".

Многие современники Белинского шли еще дальше. Сближая социализм с христианством, они объясняли это сближение тем, что в момент своего возникновения христианство было религией угнетенных и содержало в себе исконную мечту народа о будущем братстве. Поэтому, в отличие от Белинского, Герцен, например, а вместе с ним и Некрасов с преклонением относились к религиозности русского крестьянства, видели в ней одну из форм проявления естественной мечты простого человека о будущей мировой гармонии. В дневнике от 24 марта 1844 года Герцен писал: "Доселе с народом можно говорить только через Священное Писание, и, надобно заметить,- социальная сторона христианства всего менее развита; Евангелие должно войти в жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство".

Заметим, что такое "обмирщение" религии не слишком противоречило коренным основам крестьянской религиозности. Русский мужик не всегда уповал в своих верованиях на загробный мир и будущую жизнь, а иногда предпочитал искать "землю обетованную" на этом свете. Сколько легенд оставила нам крестьянская культура о существовании таких земель, где "живет человек в довольстве и справедливости"! Вспомним, что даже в рассказе Тургенева "Бежин луг" сон крестьянских детей оваян этой доброй мечтой о земле обетованной.

В поэзии Некрасова постоянно звучат религиозные мотивы, а в качестве идеала для народных заступников выступает образ Христа. Эти мотивы имеют народно-крестьянские истоки, они прямо связаны с социально-утопическими убеждениями поэта. Некрасов верит, что социалистические чаяния являются духовной опорой верующего христианина, крепостного мужика.

Но в "Тишине" его волнует и другой вопрос: перейдут ли эти мечты в дело, способен ли народ к их практическому осуществлению? Ответ на него содержится во второй и третьей главах поэмы. Крестьянская Русь предстает в них в собирательном образе народа-героя, подвижника русской истории. В памяти поэта проносятся недавние события Крымской войны и обороны Севастополя:

Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Воссоздается событие эпического масштаба: в глубинах крестьянской жизни, на проселочных дорогах свершается единение народа в непобедимую Русь перед лицом общенациональной опасности. Неслучайно в поэме воскрешаются мотивы древнерусской литературы и фольклора. В период роковой битвы у автора "Слова о полку Игореве" "реки мутно текут", а у Некрасова "черноморская волна, еще густа, еще красна, уныло в берег славы

плещет". В народной песне: "где мать-то плачет, тут реки прошли; где сестра-то плачет, тут колодцы воды", а у Некрасова:

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.

И о военных действиях неприятеля Некрасов повествует в полусказочном, полубылинном духе:

Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!

В поэме укрепляется вера Некрасова в народные силы, в способность русского мужика быть героем национальной истории. Но когда народ проснется к сознательной борьбе за свои интересы? На этот вопрос в "Тишине" нет определенного ответа, как нет его и в "Размышлениях у парадного подъезда", и в "Песне Еремушке", ставшей гимном нескольких поколений русской демократической молодежи.

В этом стихотворении сталкиваются и спорят друг с другом две песни: одну поет няня, другую - "проезжий городской". В песне няни утверждается мораль холопская, лакейская, в песне "проезжего" звучит призыв к революционному делу под лозунгами "братства, равенства и свободы". По какому пути пойдет в будущем Еремушка, судить трудно: стихотворение и открывается, и завершается песней няни о терпении и смирении. Тут скрывается существенное отличие народного поэта Некрасова от его друзей Чернышевского и Добролюбова, которые в этот момент были большими оптимистами относительно возможного народного возмущения. Именно потому в стихах Некрасова "На смерть Шевченко", "Поэт и гражданин", "Памяти Добролюбова" "народный заступник" - чаще всего страдалец, идущий на жертву. Такая трактовка "народного заступника" не вполне совпадает с этикой "разумного эгоизма" Чернышевского. По отношению к "новым людям" у Некрасова часто прорываются чувства, близкие к религиозному преклонению. Характерен мотив избранности, исключительности великих людей, которые проносятся "звездой падучею", но без которых "заглохла б нива жизни". При этом Некрасов отнюдь не порывает с демократической идеологией. Его герой напоминает не "сверхчеловека", а почитаемого и любимого народом христианского подвижника:

Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

("Княгиня Волконская")

В подвижническом облике некрасовских "народных заступников" проявляется глубокий их демократизм, органическая связь с народной культурой. В мирозерцании русского крестьянина воспитана трудной отечественной историей повышенная чуткость к страдальцам за истину, особое доверие к ним. Немало таких мучеников-правдоискателей находит поэт и в самой крестьянской среде. Его привлекает аскетический образ Власа (стихотворение "Влас"), способного на высокий нравственный подвиг. Под стать Власу суровый образ пахаря в финале поэмы "Тишина", который "без наслаждения живет, без сожаленья умирает". Судьба Добролюбова в некрасовском освещении оказывается родственной доле такого пахаря:

Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.
Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал...

Если Чернышевский вплоть до 1863 года чутьем политика осознавал реальную возможность революционного взрыва, то Некрасов уже в 1857 году чутьем народного поэта ощущал иллюзорность этих надежд. Этика "разумного эгоизма", отвергавшая жертвенность, основывалась на ощущении близости революции. Этика подвижничества и жертвенности у Некрасова порождалась сознанием невозможности быстрого пробуждения народа. Идеал революционного борца у Некрасова неизбежно смыкался с идеалом народного подвижника.

Первый пореформенный год

Поэма "Коробейники". Первое пореформенное лето Некрасов провел, как обычно, в Грешневе, в кругу своих приятелей, ярославских и костромских крестьян. Осенью он вернулся в Петербург с целым "ворохом стихов". Его друзей интересовали настроения пореформенной деревни: к чему приведет недовольство народа грабительской реформой, есть ли надежда на революционный взрыв? Некрасов отвечал на эти вопросы поэмой "Коробейники". В ней поэт выходил на новую дорогу. Предшествующее его творчество было адресовано в основном читателю из образованных слоев общества. В "Коробейниках" он смело расширил предполагаемый круг своих читателей и непосредственно обратился к народу, начиная с необычного посвящения: "Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)". Поэт предпринял и второй беспрецедентный шаг: на свой счет он напечатал поэму в серии "Красные книжки" и распространял ее в народе через коробейников - торговцев мелким товаром.

"Коробейники" - поэма-путешествие. Бродят по сельским просторам деревенские торгаши - старый Тихоныч и молодой его помощник Ванька. Перед их любознательным взором проходят одна за другой пестрые картины жизни тревожного пореформенного времени. Сюжет дороги превращает поэму в широкий обзор российской провинциальной действительности. Все, что происходит в поэме, воспринимается глазами народа, всему дается крестьянский приговор. О подлинной народности поэмы свидетельствует и то обстоятельство, что первая глава ее, в которой торжествует искусство некрасовского "многоголосия", искусство делать народный взгляд на мир своим, вскоре стала популярнейшей народной песней - "Коробушкой". Главные критики и судьи в поэме - не патриархальные мужики, а "бывалые", много повидавшие в своей страннической жизни и обо всем имеющие собственное суждение. Создаются колоритные живые типы "умственных" крестьян, деревенских философов и политиков.

В России, которую судят мужики, "все переверотилось": старые устои разрушаются, новое еще в брожении и хаосе. Картина развала начинается с суда над "верхами", с самого батюшки-царя. Вера в его милости была устойчивой в крестьянской психологии, но Крымская война у многих мужиков эту веру расшатала. Устами старого Тихоныча дается следующая оценка антинародных последствий затеянной самодержавием войны:

Царь дурит - народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.

В годину народного бедствия появляется в России целый легион прихвостней, ловких мошенников, наживающихся на крестьянском горе. Одной рукой бездарное правительство творит "душегубные дела", а другой спаивает несчастных мужиков дешевой сивухой через рыжих целовальников каллистратушек. С крестьянской точки зрения, народное пьянство - первый признак глубокого общенационального кризиса, первый сигнал надвигающейся катастрофы:

Ой! ты, зелие кабашное,
Да китайские чай.
Да курение табашное!

Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.

Вкладывая в уста народа такие резкие антиправительственные настроения, Некрасов не погрешил против правды. Многие тут идет от старообрядческой семьи Гаврилы Захарова, костромского крестьянина. Старообрядцы не употребляли вина, не пили чаю, не курили табаку. Оппозиционно настроенные по отношению к царю-антихристу и его чиновникам, они резко отрицательно оценивали события Крымской войны. Картину развала крепостнической России дополняют наблюдения коробейников над праздной жизнью господ, проматывающих в Париже народные денежки на дорогие безделушки, а завершает история Титушки-ткача. Крепкий, трудолюбивый крестьянин стал жертвой всероссийского беззакония и превратился в "убогого странника" - "без дороги в путь пошел". Тягучая, заунывная его песня, сливающаяся со стоном российских сел и деревень, со свистом холодных ветров на скудных полях и лугах, готовит в поэме трагическую развязку. В глухом костромском лесу коробейники гибнут от рук отчаявшегося лесника, напоминающего и внешне "горе, лычком подпоясанное". Это убийство - стихийный бунт потерявшего веру в жизнь человека.

Трагическая развязка в поэме осложняется внутренними переживаниями коробейников. Это очень совестливые мужики. Они стыдятся своего торгашеского ремесла. Трудовая крестьянская мораль подсказывает им, что, обманывая своих же братьев-мужиков, они творят несправедное дело, "гневят Всевышнего". Их приход в село - дьявольское искушение для бедных девок и баб. Вначале они - "красны девушки-лебедушки", "жены мужние - молодушки", а после "торга рьяного" - "посреди села базар", "бабы ходят точно пьяные, друг у дружки рвут товар". Как приговор всей трудовой крестьянской России своему несправедному пути, выслушивают коробейники бранные слова крестьянок:

Принесло же вас, мошейников!..
Из села бы вас колом!..

И по мере того как набивают коробейники свои кошельки, все тревожнее они себя чувствуют, все прямее, все торопливее становится их путь и все значительнее препятствия.

Поперек их пути становится не только русская природа, не только отчаявшийся лесник, напоминающий лешего. Как укор коробейнику Ваньке - чистая любовь его невесты Катериночки, той самой, которая предпочла всем щедрым подаркам "бирюзовый перстенок". В трудовых крестьянских заботах топит Катериночка свою тоску по суженому. Вся пятая глава поэмы, воспевающая самозабвенный труд и самоотверженную любовь, - упрек торгашескому делу коробейников, которое уводит их из родимого села на чужую сторону, отрывает от трудовой жизни и народной нравственности:

Часто в ночь одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!

В ключевой сцене выбора дороги окончательно определяется трагический исход жизни коробейников. Они сами готовят свою судьбу. Опасаясь за сохранность тугих кошельков, они решают идти в Кострому "напрямки". Этот выбор не считается с непрямыми русскими дорогами. Против коробейников как бы восстают дебри лесов, топи болот, сыпучие пески. Тут-то и настигает их ожидаемое, сбываются их роковые предчувствия...

Примечательно, что преступление "христово охотничка", убивающего коробейников, совершается без всякого расчета: деньгами, взятыми у них, он не дорожит. Тем же вечером, в кабаке, рассказывает он всему народу о случившемся и покорно сдает себя в руки властей.

Не случайно в "Крестьянских детях", созданных одновременно с "Коробейниками", Некрасов воспекает суровую прозу и высокую поэзию крестьянского детства и призывает хранить в чистоте вечные нравственные ценности, рожденные трудом на земле,- то самое "вековое наследие", которое поэт считает истоком русской национальной культуры:

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследие,
Любите свой хлеб трудовой -
И пусть обаяние поэзии детства
Проводит вас в недра земли родной!..

Период "трудного времени"

Поэма "Мороз, Красный нос". Вскоре после крестьянской реформы 1861 года в России наступили "трудные времена". Начались преследования и аресты. Сослан в Сибирь поэт М. Л. Михайлов, арестован Д. И. Писарев. Летом 1862 года заключен в Петропавловскую крепость Чернышевский. Нравственно чуткий Некрасов испытывал неловкость перед друзьями, их драматическая судьба была для него укоризной. В одну из бессонных ночей, в нелегких раздумьях о себе и опальных друзьях выплакалась у Некрасова великая "песнь покаяния" - лирическая поэма "Рыцарь на час". Когда он писал ее, вспомнились задевшие его в свое время в письме покойного Добролюбова от 23 августа 1860 года укор и упрек: "И подумал я: вот человек - темперамент у него горячий, храбрости довольно, воля твердая, умом не обижен, здоровье от природы богатырское, и всю жизнь томится желанием какого-то дела, честного, хорошего дела... Только бы и быть ему Гарибальди в своем месте".

Ушел из жизни Добролюбов, сгорев на подвижнической журнальной работе, попал в крепость Чернышевский... А Некрасову стать "русским Гарибальди" так и не пришлось. И не потому, что не хватало твердости воли и силы характера: обостренным чутьем народного поэта он ощущал неизбежный трагизм революционного подвига в России. Подвиг этот требовал безоглядной веры. У Некрасова такой веры не было. А революционное "рыцарство" с оглядкой неминуемо оказывалось "рыцарством на час":

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

Осенью 1862 года в тяжелом настроении (под угрозой оказалось существование "Современника", пошло на спад крестьянское движение, подавляемое энергичными усилиями правительства) поэт навестил родные места: побывал в Грешневе и в соседнем Аб`акумцево на могиле матери. Итогом всех этих событий и переживаний явилась поэма "Рыцарь на час" - одно из самых проникновенных произведений Некрасова о сыновней любви к матери, перерастающей в любовь к родине. Настроения героя поэмы оказались созвучными многим поколениям русской интеллигенции, наделенной жгучей совестью, жаждущей деятельности, но не находящей ни в себе, ни вокруг себя прочной опоры для деятельного добра или для революционного подвига. Поэму эту Некрасов очень любил и читал всегда "со слезами в голосе". Сохранилось воспоминание, что вернувшийся из ссылки Чернышевский, читая "Рыцаря на час", "не выдержал и разрыдался".

Польское восстание в 1863 году, жестоко подавленное правительственными войсками, подтолкнуло придворные круги к реакции. В обстановке спада крестьянского движения некоторая часть революционной интеллигенции потеряла веру в народ, в его творческие возможности. На страницах демократического журнала "Русское слово" стали появляться статьи, в которых народ обвинялся в грубости, тупости, невежестве. Чуть позднее и Чернышевский в "Прологе" устами Волгина произнес горькие слова о "жалкой нации" - "снизу доверху все сплошь рабы". В этих условиях Некрасов приступил к работе над новым произведением, исполненным светлой веры и доброй надежды,- к поэме "Мороз, Красный нос".

Центральное событие "Мороза" - смерть крестьянина, и действие в поэме не выходит за пределы одной крестьянской семьи. В то же время и в России, и за рубежом ее считают поэмой эпической. На первый взгляд, это парадокс, так как классическая эстетика считала зерном эпической поэмы конфликт общенационального масштаба, воспевание великого исторического события, имевшего влияние на судьбу нации.

Однако, сузив круг действия в поэме, Некрасов не только не ограничил, но укрупнил ее проблематику. Ведь событие, связанное со смертью крестьянина, с потерей "кормильца и надежды семьи", уходит своими корнями едва ли не в тысячелетний национальный опыт, намекает невольно на многовековые наши потрясения. Некрасовская мысль развивается здесь в русле довольно устойчивой, а в XIX веке чрезвычайно живой литературной традиции. Семья - основа национальной жизни. Эту связь семьи и нации глубоко чувствовали творцы нашего эпоса от Некрасова до Льва Толстого. Идея семейного, родственного единения возникла перед нами как самая насущная еще на заре русской истории. И первыми русскими святыми оказались не герои-воины, а скромные князья, братья Борис и Глеб, убиенные окаянном Святополком. Уже тогда ценности братской, родственной любви возводились у нас в степень национального идеала.

Крестьянская семья в поэме Некрасова - частица всероссийского мира: мысль о Дарье переходит естественно в думу о "величавой славянке", усопший Прокл подобен крестьянскому богатырю Микуле Селяниновичу:

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо - и до рук борода.

Столь же величав и отец Прокла, скорбно застывший на могильном бугре:

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

"У великого народа - своя история, а в истории - свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа,- писал Белинский. - Дух народа, как и дух частного человека, высказывается вполне в критические моменты, по которым можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил".

С XIII по XX век русская земля по меньшей мере раз в столетие подвергалась опустошительному нашествию. Событие, случившееся в крестьянской семье, потерявшей кормильца, как в капле воды отражает исторические беды российской женщины-матери. Горе Дарьи торжественно называется в поэме как "великое горе вдовицы и матери малых сирот". Великое - потому что за ним трагедия многих поколений русских женщин - невест, жен, сестер и матерей. За ним - историческая судьба России: невозполнимые потери лучших национальных сил в опустошительных войнах, в социальных катастрофах веками отзывались сиротской скорбью прежде всего в наших семьях.

Сквозь бытовой сюжет просвечивает у Некрасова эпическое событие. Испытывая на прочность крестьянский семейный союз, показывая семью в момент драматического потрясения ее устоев, Некрасов держит в уме общенародные испытания. "Века протекали!" В поэме это не простая поэтическая декларация: всем содержанием, всем метафорическим миром поэмы Некрасов выводит сиюминутные события к вековому течению российской истории, крестьянский быт - к всенародному бытию. Вспомним глаза плачущей Дарьи, как бы растворяющиеся в сером, пасмурном небе, плачущем ненастным дождем. А потом они сравниваются с хлебным полем, истекающим перезревшими зернами-слезами. Вспомним, что эти слезы застывают в круглые и плотные жемчужины, сосульками повисают на ресницах, как на карнизах окон деревенских изб:

Кругом - поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи -
Должно быть, их солнце слепит...

Только эпический поэт мог дерзко соотнести снежную равнину в алмазах с очами Дарьи в слезах. Образный строй "Мороза" держится на этих широких метафорах, выводящих бытовые факты к всенародному бытию. К горю крестьянской семьи по-народному прислушлива в поэме природа: как живое существо, она отзывается на происходящие события, вторит крестьянским плачам суровым воем метелицы, сопутствует мечтам народным колдовскими чарами Мороза. Смерть крестьянина потрясает весь космос крестьянской жизни, приводит в движение скрытые в нем духовные силы. Конкретно-бытовые образы, не теряя своей заземленности, изнутри озвучиваются песенным, былинным началом. "Поработав в земле", Прокл оставляет ее сиротой - и вот она "ложится крестами", священная Мать - сыра земля. И Савраска осиротел без своего хозяина, как богатырский конь без Микулы Селяниновича.

За трагедией одной крестьянской семьи - судьба всего народа русского. Мы видим, как ведет себя он в тягчайших исторических испытаниях. Смертельный нанесен удар: существование семьи кажется безысходным. Как же одолевает народный "мир" неутешное горе? Что помогает ему выстоять в трагических обстоятельствах?

Обратим внимание: в тяжелом несчастье домочадцы менее всего думают о себе, менее всего носятся со своим горем. Никаких претензий к миру, никакого ропота, стонаний или озлобления. Горе отступает перед всепоглощающим чувством жалости и сострадания к ушедшему человеку вплоть до желания воскресить Прокла ласковым, приветливым словом:

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

Так же встречает беду и овдовевшая Дарья. Не о себе она печется, но, "полная мыслью о муже, зовет его, с ним говорит". Мечтая о свадьбе сына, она предвкушает не свое счастье только, а счастье любимого Прокла, обращается к умершему мужу как к живому, радуется его радостью. Сколько в ее словах домашнего тепла и ласковой, охранительной участливости по отношению к близкому человеку. Но такая же теплая, родственная любовь распространяется у нее и на "дальних" - на усопшую схимницу, например, случайно встреченную в монастыре:

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей..

Дарью согревает в трагической ситуации тепло одухотворенного сострадания. Тут касается Некрасов сокровенного ядра народной нравственной культуры, того, на чем стояла и должна стоять Русская земля.

В поэме "Мороз, Красный нос" Дарья подвергается двум испытаниям. Два удара идут друг за другом с роковой неотвратимостью. За смертью мужа ее настигает собственная смерть. Однако и ее преодолевает Дарья. Преодолевает силой любви, распространяющейся у героини на всю природу: на землю-кормилицу, на хлебное поле. И умирая, больше себя она любит Прокла, детей, крестьянский труд на вечной ниве:

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,
Как дети с отцом приближались

К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Это удивительное свойство русского национального характера народ пронес сквозь мглу суровых лихолетий от "Слова о полку Игореве" до наших дней, от плача Ярославны до плача вологодских, костромских, ярославских, сибирских крестьянок, героинь В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева потерявших своих мужей и сыновей. В поэме "Мороз, Красный нос" Некрасов коснулся глубинных пластов нашей культуры, неиссякаемого источника выносливости и силы народного духа, столько раз спасавшего Россию в години национальных потрясений.

Поэма Некрасова учит нас чувствовать духовную красоту и щедрость народного характера, главной особенностью которого является обостренная чуткость к другому человеку, умение понять его, как самого себя, счастье радоваться его счастьем или страдать его страданием. В редкой поэтической отзывчивости на чужую радость и чужую боль Некрасов и по сию пору - исключительный и глубоко народный поэт.

Лирика Некрасова конца 60-х годов

Именно эта глубокая вера в народ помогала поэту подвергать народную жизнь суровому и строгому анализу, как, например, в финале стихотворения "Железная дорога". Поэт никогда не заблуждался относительно ближайших перспектив революционного крестьянского освобождения, но и никогда не впадал при этом в отчаяние:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную,
Вынесет все, что Господь ни пошлет!
Вынесет все - и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только - жить в эту пору прекрасную
Уж не придется - ни мне, ни тебе.

Так в обстановке жестокой реакции, когда пошатнулась вера в народ у самих его заступников, Некрасов сохранил уверенность в мужестве, духовной стойкости и нравственной красоте русского крестьянина. После смерти отца в 1862 году Некрасов не порвал связи с родным его сердцу ярославско-костромским краем. Близ Ярославля он приобрел усадьбу Карабиха и каждое лето наезжал сюда, проводя время в охотничьих странствиях с друзьями из народа. Вслед за "Морозом" появилась "Орина, мать солдатская" - стихотворение, прославляющее материнскую и сыновнюю любовь, которая торжествует не только над ужасами николаевской солдатчины, но и над самой смертью.

Появился "Зеленый Шум" с весенним чувством обновления, "легкого дыхания"; возрождается к жизни спавшая зимой природа, и оттаивает заледеневшее в злых помыслах человеческое сердце. Рожденная крестьянским трудом на земле вера в обновляющую мощь природы, частицей которой является человек, спасала Некрасова и его читателей от полного разочарования в трудные годы торжества в казенной России "барабанов, цепей, топора" ("Надрывается сердце от муки...").

Тогда же Некрасов приступил к созданию "Стихотворений, посвященных русским детям". "Через детей душа лечится",- говорил один из любимых героев Достоевского. Обращение к миру детства освежало и ободряло, очищало душу от горьких впечатлений действительности. Главным достоинством некрасовских стихов для детей является неподдельный демократизм: в них торжествует и крестьянский юмор, и сострадательная любовь к малому и слабому, обращенная не только к человеку, но и к природе. Добрым спутником нашего детства стал насмешливый, лукаво-добродушный дедушка Мазай, неуклюжий "генерал" Топтыгин и лебезящий вокруг него смотритель, сердобольный дядюшка Яков, отдающий букварь крестьянской девчужке.

Особенно трудным для Некрасова оказался конец 60-х годов: нравственный компромисс, на который он пошел во имя спасения журнала, вызвал упреки со всех сторон: реакционная публика уличала поэта в корыстолюбии, а духовные единомышленники - в отступничестве. Тяжелые переживания Некрасова отразились в цикле так называемых "покаянных" стихов: "Ликует враг...", "Умру я скоро...", "Зачем меня на части рвете...". Однако эти стихи не вписываются в однозначное определение "покаянных": в них звучит мужественный голос поэта, исполненный внутренней борьбы, не снимающий обвинений с себя, но клеймящий позором и то общество, в котором честный человек получает право на жизнь ценой унижительных нравственных компромиссов.

О неизменности гражданских убеждений поэта в эти драматические годы свидетельствуют стихи "Душно! без счастья и воли...". Тогда же, в конце 60-х годов, расцветает сатирический талант Некрасова. Он завершает цикл "О погоде", пишет "Песни о свободном слове", поэтические сатиры "Балет" и "Недавнее время". Используя изощренные приемы сатирического разоблачения, поэт смело соединяет сатиру с высокой лирикой, широко применяет полиметрические композиции - сочетание разных размеров - внутри одного произведения. Вершиной и итогом сатирического творчества Некрасова явилась поэма "Современники", в которой поэт обличает новые явления русской жизни, связанные с бурным развитием капиталистических отношений. В первой части "Юбиляры и триумфаторы" сатирически воссоздается пестрая картина юбилейных торжеств в развращенных бюрократических верхах, во второй - "Герои времени" - свой голос обретают грабители-плутократы, разномастные хищники, рожденные "веком железных путей". Некрасов пронизательно замечает не только грабительскую, антинародную сущность, но и неполноценные, трусливые черты в характерах поднимающихся русских буржуа, которые никак не укладываются в классическую форму буржуа европейского.

Поэмы о декабристах

Начало 70-х годов - эпоха очередного общественного подъема, связанного с деятельностью революционных народников. Некрасов сразу же уловил первые симптомы этого пробуждения. В 1869 году у него возник замысел поэмы "Дедушка", которая создавалась для юного читателя. События поэмы относятся к 1856 году, когда была объявлена амнистия политическим заключенным и декабристы получили право вернуться из Сибири. Но время действия в поэме достаточно условно. Ясно, что речь идет и о современности, что ожидания декабриста-дедушки - "скоро дадут им свободу" - устремлены в будущее и не связаны непосредственно с крестьянской реформой. По цензурным причинам рассказ о восстании декабристов звучит приглушенно. Но Некрасов художественно мотивирует эту приглушенность тем, что характер дедушки раскрывается перед внуком Сашей постепенно, по мере того как мальчик взрослеет. Постепенно юный герой проникается красотой и благородством народолюбивых идеалов дедушки. Идея, ради которой герой-декабрист отдал всю свою жизнь, настолько высока и свята, что служение ей делает неуместными жалобы на свою личную судьбу. Именно так следует понимать слова героя: "Днесь я со всем примирился, что потерпел на веку!" Символом его жизнестойкости является крест - "образ распятого Бога", - торжественно снятый с шеи дедушкой по возвращении из ссылки.

Христианские мотивы, окрашивающие личность декабриста, призваны подчеркнуть народный характер его идеалов. Центральную роль в поэме играет рассказ дедушки о переселенцах-крестьянах в сибирском посаде Тарбагатай, о предприимчивости крестьянского мира, о творческом характере народного, общинного самоуправления. Как только власти оставили народ в покое, дали мужикам "землю и волю", артель вольных хлебопашцев превратилась в общество людей свободного и дружного труда, достигла материального изобилия и духовного процветания. Поэт окружил рассказ о Тарбагатае мотивами крестьянских легенд о "вольных землях", стремясь убедить читателей, что социалистические устремления живут в душе каждого бедного мужика.

Следующим этапом в разработке декабристской темы явилось обращение Некрасова к подвигу жен декабристов, отправившихся вслед за своими мужьями на каторгу, в далекую Сибирь. В поэмах "Княгиня Трубецкая" и "Княгиня Волконская" Некрасов открывает в лучших

женщинах дворянского круга те качества национального характера, какие он нашел в женщинах-крестьянках поэм "Коробейники" и "Мороз, Красный нос".

Произведения Некрасова о декабристах стали фактами не только литературной, но и общественной жизни. Они вдохновляли революционную молодежь на борьбу за народную свободу. Почетный академик и поэт, известный революционер-народник Н. А. Морозов утверждал, что "повальное движение учащейся молодежи в народ возникло не под влиянием западного социализма", а что "главным рычагом его была народническая поэзия Некрасова, которой все зачитывались в переходном юношеском возрасте, дающем наиболее сильные впечатления".

Лирика Некрасова 70-х годов

В позднем творчестве Некрасов-лирик оказывается гораздо более традиционным, литературным поэтом, чем в 60-е годы, ибо теперь он ищет эстетические и этические опоры не столько на путях непо-средственного выхода к народной жизни, сколько в обращении к поэтической традиции своих великих предшественников. Обновляются поэтические образы в некрасовской лирике: они становятся более емкими и обобщенными. Происходит своеобразная символизация художественных деталей; от быта поэт стремительно взлетает к широкому художественному обобщению. Так, в стихотворении "Друзьям" деталь из крестьянского обихода - "широкие лапти народные" - приобретает поэтическую многозначность, превращается в образ-символ трудовой крестьянской России:

Вам же - не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Переосмысливаются и получают новую жизнь старые темы и образы. В 70-х годах Некрасов вновь обращается, например, к сравнению своей Музы с крестьянской, но делает это иначе. В 1848 году поэт вел Музу на Сенную площадь, показывал, не гнушаясь страшными подробностями, сцену избиения кнутом молодой крестьянки и лишь затем, обращаясь к Музе, говорил: "Гляди! / Сестра твоя родная" ("Вчерашний день, часу в шестом..."). В 70-х годах поэт сжимает эту картину в емкий поэтический символ, опуская все повествовательные детали, все подробности:

Не русский - взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

("О Муза! я у двери гроба!..")

Народная жизнь в лирике Некрасова 70-х годов изображается по-новому. Если ранее поэт подходил к народу максимально близко, схватывая всю пестроту, все многообразие неповторимых народных характеров, то теперь крестьянский мир в его лирике предстает в предельно обобщенном виде. Такова, например, его "Элегия", обращенная к юношам:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая "страдания народа"
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.

Вступительные строки - полемическая отповедь Некрасова распространявшимся в 70-е годы официальным воззрениям, утверждавшим, что реформа 1861 года окончательно решила крестьянский вопрос и направила народную жизнь по пути процветания и свободы. Такая оценка реформы проникала, конечно, и в гимназии. Молодому поколению внушалась мысль, что в настоящее время тема народных страданий себя изжила. И если гимназист читал пушкинскую "Деревню", обличительные ее строки относились в его сознании к отдаленному

дореформенному прошлому и никак не связывались с современностью. Некрасов решительно разрушает в "Элегии" такой "безоблачный" взгляд на судьбу крестьянства:

... Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза...

Воскрешая в "Элегии" поэтический мир "Деревни", Некрасов придает и своим, и старым пушкинским стихам непреходящий, вечно живой и актуальный смысл. Опираясь на обобщенные пушкинские образы, Некрасов уходит в "Элегии" от бытовых описаний, от конкретных, детализированных фактов и картин народного горя и нищеты. Цель его стихов другая: ему важно сейчас доказать правоту самого обращения поэта к этой вечной теме. И старая, архаизированная, но освященная самим Пушкиным форма соответствует этой высокой задаче.

Дух Пушкина витает над некрасовской "Элегией" и далее. "Самые задушевные и любимые" стихи поэта - поэтическое завещание, некрасовский вариант "Памятника":

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил - и сердцем я спокоен...

Разве не напоминают эти стихи другие, которые у каждого русского человека буквально на слуху?

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Авторитет Пушкина нужен Некрасову для укрепления собственной поэтической позиции, включенной в мощную рус-скую традицию, в связь времен. Отголоски пушкинского стихотворения о драматизме судьбы поэта слышатся и в финале "Элегии". У Пушкина в стихотворении "Эхо":

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов -
И шлешь ответ:
Тебе ж нет отзыва... таков
И ты, поэт!

И у Некрасова:

И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,-
Увы! не внимлет он - и не дает ответа...

В контексте пушкинских стихов смягчается, обретая предельно широкий, вечный смысл, мучительно переживаемый поздним Некрасовым вопрос-сомнение: откликнется ли народ на его голос, внесет ли его поэзия перемены в народную жизнь? Авторитет Пушкина взывает к терпению и не гасит надежды.

Таким образом, в "Элегии" Некрасов осваивает поэтический опыт как раннего, так и позднего, зрелого Пушкина. В то же время он остается самим собой. Если Пушкин мечтал увидеть "рабство, падшее по манию царя", то Некрасов это уже увидел, но вопросы, поставленные юным Пушкиным в "Деревне", не получили разрешения в результате реформ

"сверху" и вернулись в русскую жизнь в несколько ином виде: "Народ освобожден, но счастливы ли народ?"

Творческая история " Кому на Руси жить хорошо"

Жанр и композиция поэмы-эпопеи. Ответ на этот вопрос содержится в итоговом произведении Некрасова "Кому на Руси жить хорошо". Поэт начал работу над грандиозным замыслом "народной книги" в 1863 году, а заканчивал смертельно больным в 1877 году, с горьким сознанием недоволенности, незавершенности задуманного: "Одно, о чем сожалею глубоко, это - что не кончил свою поэму "Кому на Руси жить хорошо". В нее "должен был войти весь опыт, данный Николаю Алексеевичу изучением народа, все сведения о нем, накопленные... "по словечку" в течение двадцати лет", - вспоминал о беседах с Некрасовым Г. И. Успенский.

Однако вопрос о "незавершенности" "Кому на Руси жить хорошо" весьма спорен и проблематичен. Во-первых, признания самого поэта субъективно преувеличены. Известно, что ощущение неудовлетворенности бывает у писателя всегда, и чем масштабнее замысел, тем оно острее. Достоевский писал о "Братьях Карамазовых": "... Сам считаю, что и одной десятой доли не удалось того выразить, что хотел". Но дерзнем ли мы на этом основании считать роман Достоевского фрагментом неосуществленного замысла? То же самое и с "Кому на Руси жить хорошо".

Во-вторых, "Кому на Руси жить хорошо" была задумана как эпопея, то есть художественное произведение, изображающее с максимальной степенью полноты целую эпоху в жизни народа. Поскольку народная жизнь безгранична и неисчерпаема в бесчисленных ее проявлениях, для эпопеи в любых разновидностях (поэма-эпопея, роман-эпопея) характерна незавершенность, незавершаемость. В этом заключается ее видовое отличие от других форм поэтического искусства.

Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет.
Сам ее Христов угодничек
Не допел - спит вечным сном,-

так выразил свое понимание эпического замысла Некрасов еще в поэме "Коробейники". Эпопею можно продолжать до бесконечности, но можно и точку поставить на каком-либо высоком отрезке ее пути. Когда Некрасов почувствовал приближение смерти, он решил развернуть в качестве финала вторую часть поэмы "Последыш", дополнив ее продолжением "Пир - на весь мир", и специально указал, что "Пир" идет за "Последышем". Однако попытка опубликовать "Пир - на весь мир" закончилась полной неудачей: цензура не пропустила его. Таким образом, эпопея не увидела свет в полном объеме при жизни Некрасова, а умирающий поэт не успел сделать распоряжение относительно порядка ее частей. Поскольку у "Крестьянки" остался старый подзаголовок "Из третьей части", К. И. Чуковский после революции опубликовал поэму в следующем порядке: "Пролог. Часть первая", "Последыш", "Пир - на весь мир", "Крестьянка". Предназначавшийся для финала "Пир" оказался внутри эпопеи, что встретило резонные возражения знатоков творчества Некрасова. С убедительной аргументацией выступил тогда П. Н. Сакулин. К. И. Чуковский, согласившись с его точкой зрения, во всех последующих изданиях использовал такой порядок: "Пролог. Часть первая", "Крестьянка", "Последыш", "Пир - на весь мир". Против выступил А. И. Груздев. Считая "Пир" эпилогом и следуя логике подзаголовков ("Последыш. Из второй части", "Крестьянка. Из третьей части"), ученый предложил печатать поэму так: "Пролог. Часть первая", "Последыш", "Крестьянка", "Пир - на весь мир". В этой последовательности поэма опубликована в пятом томе Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова. Но и такое расположение частей не бесспорно: нарушается специальное указание поэта, что "Пир" непосредственно идет за "Последышем" и является продолжением его. Споры зашли в тупик, выход из которого возможен лишь в том случае, если будут найдены какие-либо неизвестные нам пожелания самого Некрасова.

Но, с другой стороны, примечательно, что сам этот спор невольно подтверждает эпический характер "Кому на Руси жить хорошо". Композиция произведения строится по законам классической эпопеи: оно состоит из отдельных, относительно автономных частей и глав. Внешне эти части связаны темой дороги: семь мужиков-правдоискателей странствуют по Руси, пытаясь разрешить не дающий им покоя вопрос: кому на Руси жить хорошо? В "Прологе" как будто бы намечена и четкая схема путешествия - встречи с попом, помещиком, купцом, министром и царем. Однако эпопея лишена четкой и однозначной целеустремленности. Некрасов не форсирует действие, не торопится привести его к всеразрешающему итогу. Как эпический художник, он стремится к полноте воссоздания жизни, к выявлению всего многообразия народных характеров, всей непрямоты, всего петляния народных тропинок, путей и дорог.

Мир в эпическом повествовании предстает таким, каков он есть: неупорядоченным и неожиданным, лишенным прямолинейного движения. Автор эпопеи допускает "отступления, заходы в прошлое, скачки куда-то вбок, в сторону". По определению современного теоретика литературы Г. Д. Гачева, "эпос похож на ребенка, шествующего по кунсткамере мироздания: вот его внимание привлечет один герой, или здание, или мысль - и автор, забыв обо всем, погружается в него; потом его отвлек другой - и он так же полно отдается ему. Но это не просто композиционный принцип, не просто специфика сюжета в эпосе... Тот, кто, повествуя, делает "отступление", неожиданно долго задерживается на том или ином предмете; тот, кто поддается соблазну описать и то, и это и захлебывается от жадности, греша против темпа повествования, - тот тем самым говорит о расточительности, избытке бытия, о том, что ему (бытию) некуда торопиться. Иначе: он выражает идею, что бытие царит над принципом времени (тогда как драматическая форма, напротив, выпячивает власть времени - недаром там родилось тоже, казалось бы, только "формальное" требование единства времени)".

Введенные в эпопею "Кому на Руси жить хорошо" сказочные мотивы позволяют Некрасову свободно и непринужденно обращаться со временем и пространством, легко переносить действие с одного конца России на другой, замедлять или ускорять время по сказочным законам. Объединяет эпопею не внешний сюжет, не движение к однозначному результату, а сюжет внутренний: медленно, шаг за шагом проясняется в ней противоречивый, но необратимый рост народного самосознания, еще не пришедшего к итогу, еще находящегося в трудных дорогах исканий. В этом смысле и сюжетно-композиционная рыхлость поэмы не случайна, а глубоко содержательна: она выражает своей несобранностью пестроту и многообразие народной жизни, по-разному обдумывающей себя, по-разному оценивающей свое место в мире, свое предназначение.

Стремясь воссоздать движущуюся панораму народной жизни во всей ее полноте, Некрасов использует и все богатство народной культуры, все многоцветье устного народного творчества. Но и фольклорная стихия в эпопее выражает постепенный рост народного самосознания: сказочные мотивы "Пролога" сменяются былинным эпосом, потом лирическими народными песнями в "Крестьянке", наконец, песнями Гриши Добросклонова в "Пире - на весь мир", стремящимися стать народными и уже частично принятыми и понятыми народом. Мужики прислушиваются к его песням, иногда согласно кивают головами, но последнюю песню "Русь" он еще не спел им. А потому и финал поэмы открыт в будущее, не разрешен:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.

Но странники не услышали песни "Русь", а значит, еще и не поняли, в чем заключается "воплощение счастья народного". Выходит, Некрасов не допел свою песню не только потому, что смерть помешала. Песни его не допела в те годы сама народная жизнь. Более ста лет прошло с тех пор, а песня, начатая великим поэтом о русском крестьянине, все еще допевадается. В "Пире" лишь намечен проблеск грядущего счастья, о котором мечтает поэт, сознающий, сколь много дорог впереди до его реального воплощения. "Незаконченность" "Кому на Руси жить хорошо" принципиальна и художественно значительна как признак народной эпопеи.

"Кому на Руси жить хорошо" и в целом, и в каждой из своих частей напоминает крестьянскую мирскую сходку, которая являлась наиболее полным выражением

демократического народного самоуправления. На такой сходке жители одной или нескольких деревень решали все вопросы совместной, мирской жизни. Сходка не имела ничего общего с современным собранием. На ней отсутствовал председатель, ведущий ход обсуждения. Каждый общинник по желанию вступал в разговор или перепалку, отстаивая свою точку зрения. Вместо голосования действовал принцип общего согласия. Недовольные переубеждались или отступали, и в ходе обсуждения вызревал "мирской приговор". Если общего согласия не получалось, сходка переносилась на следующий день. Постепенно, в ходе жарких споров вызревало единодушное мнение, искалось и находилось согласие.

Вся поэма-эпопея Некрасова - это разгорающийся, постепенно набирающий силу мирской сход. Он достигает своей вершины в заключительном "Пире - на весь мир". Однако общего "мирского приговора" все-таки не происходит. Намечаются лишь пути к нему, многие первоначальные препятствия устранены, по многим пунктам обозначилось движение к общему согласию. Но итога нет, жизнь не остановлена, сходки не прекращены, эпопея открыта в будущее. Для Некрасова здесь важен сам процесс, важно, что крестьянство не только задумалось о смысле жизни, но и отправилось в трудный и долгий путь правдоискательства. Попробуем поближе присмотреться к нему, двигаясь от "Пролога. Части первой" к "Крестьянке", "Последышу" и "Пиру - на весь мир".

Первоначальные представления странников о счастье. В "Прологе" о встрече семи мужиков повествуется как о большом эпическом событии:

В каком году - рассчитывай,
В какой земле - угадывай.
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков...

Так сходились былинные и сказочные герои на битву или на почестен пир. Эпический размах приобретает в поэме время и пространство: действие выносится на всю Русь. "Подтянутая губерния", "Терпигорев уезд", "Пустопорожня волость", деревни "Заплатова", "Дырявина", "Разутова", "Знобишина", "Горелова", "Неелова", "Неурожайка" могут быть отнесены к любой из российских губерний, уездов, волостей и деревень. Схвачена общая примета пореформенного разорения. Сам вопрос, взволновавший мужиков, касается всей России - крестьянской, дворянской, купеческой. Потому и ссора, возникшая между ними, - не рядовое событие, а великий спор. В душе каждого хлебороба, со своей "частной" судьбой, со своими житейскими целями, пробудился интерес, касающийся всех, всего народного мира. И потому перед нами уже не обыкновенные мужики со своей индивидуальной судьбой, а радетели за весь крестьянский мир, правдоискатели. Цифра семь в фольклоре является магической. Семь странников - образ большого эпического масштаба. Сказочный колорит "Пролога" поднимает повествование над житейскими буднями, над крестьянским бытом и придает действию эпическую всеобщность. В то же время события отнесены к пореформенной эпохе. Конкретная примета мужиков - "временнообязанные" - указывает на реальное положение "освобожденного" крестьянства, вынужденного временно, вплоть до полного выкупа своего земельного надела, трудиться на господ, исполнять те же самые повинности, какие существовали и при крепостном праве.

Сказочная атмосфера в "Прологе" многозначна. Придавая событиям всенародное звучание, она превращается еще и в удобный для поэта прием характеристики народного самосознания. Заметим, что Некрасов играючи обходится со сказкой. Вообще его обращение с фольклором более свободно и раскованно по сравнению с поэмами "Коробейники" и "Мороз, Красный нос". Да и к народу он относится иначе, часто подшучивает над мужиками, подзадоривает читателей, парадоксально заостряет народный взгляд на вещи, подсмеивается над ограниченностью крестьянского мирозерцания. Интонационный строй повествования в "Кому на Руси жить хорошо" очень гибок и богат: тут и добродушная авторская улыбка, и снисхождение, и легкая ирония, и горькая шутка, и лирическое сожаление, и скорбь, и раздумье, и призыв. Интонационно-стилистическая многозвучность повествования по-своему отражает новую фазу народной жизни. Перед нами пореформенное крестьянство, порвавшее с неподвижным патриархальным существованием, с вековой житейской и духовной оседлостью. Это уже бродячая Русь с проснувшимся самосознанием, шумная, разноголосая, колючая и

неуступчивая, склонная к ссорам и спорам. И автор не стоит от нее в стороне, а превращается в равноправного участника ее жизни. Он то поднимается над спорщиками, то проникается сочувствием к одной из спорящих сторон, то умиляется, то возмущается. Как Русь живет в спорах, в поисках истины, так и автор пребывает в напряженном диалоге с нею.

Сказочный мир "Пролога" окрашен легкой авторской иронией: он характеризует еще не высокий уровень крестьянского сознания, стихийного, смутного, с трудом пробивающегося к всеобщим вопросам. Мысль народная еще не обрела в "Прологе" независимого существования, она еще слита с природой и выражается в действиях, в поступках, в драках между мужиками.

Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале - то скорей.
.....
Наверно б, ночку целую
Так шли - куда, не ведая...

Мужики живут и действуют, как в сказке: "Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что". И "баба встречная", "корявая Дурандиха", на глазах у мужиков превращается в хохочущую, над ними ведьму. А Пахом долго умом раскидывает по поводу того, что с ними случилось, пока не приходит к выводу, что леший "шутку славную" над ними подшутил.

В поэме возникает комическое сравнение спора мужиков с боем быков в крестьянском стаде. По законам эпоса, оно развертывается, как в гоголевских "Мертвых душах", но обретает еще и самостоятельный смысл. Корова с колокольчиком, отбившаяся от стада, пришла к костру, оставила глаза на мужиков,

Шальных речей послушала
И начала, сердечная.
Мычать, мычать, мычать!

Стихийной мощи и ограниченности спора вторит переполох в природе, которая, как в сказке, тоже участвует в лихой мужицкой перебранке-потасовке. На спорящих странников слетаются посмотреть семь филинов, с семи больших деревьев "хохочут полуночники".

И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!

Переполох нарастает, ширится, охватывает весь лес:

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.

С иронией относится поэт и к самой сути спора. Мужики еще не понимают, что вопрос, кто счастливее - поп, помещик, купец, чиновник или царь - обнаруживает ограниченность их представлений о счастье, которые сводятся к материальной обеспеченности. Встреча с попом в первой главе первой части поэмы наглядно проясняет, что своего, крестьянского понимания счастья у мужиков нет. Не случайно формулу счастья провозглашает поп, а крестьяне пассивно с ним соглашаются:

"В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь -
Не так ли, други милые?"
Они сказали: "Так"...

Рассказ попа заставляет мужиков над многим призадуматься. Расхожая, иронически-снисходительная народная оценка духовенства обнаруживает свою поверхностность и неполноту. По законам эпического повествования поэт доверчиво отдается рассказу попа о жизни всего духовного сословия, он не торопится с развитием действия, давая возможность попу выговорить все, что лежит у него на душе. За этой доверчивостью и отзывчивостью скрывается и сам народ, наивно-простодушный, всепринимаящий и многое понимающий своей сердобольной душой. За жизнью попа открывается жизнь России в ее прошлом и настоящем, в разных ее сословиях. Здесь и драматические перемены в дворянских судьбах: уходит в прошлое старая, патриархальная дворянская Русь, жившая оседло, в нравах и привычках близкая к народу. Пореформенное разорение разрушило вековые устои дворянской жизни, уничтожило старую привязанность к родовому деревенскому гнезду. Рассеялись дворяне по белу свету, усвоили новые привычки, далекие от русских нравственных традиций и преданий. В рассказе попа разворачивается перед глазами смекалистых мужиков "цепь великая", в которой все звенья прочно связаны: тронешь одно - отзовется в другом. Драма русского дворянства порождает драму в жизни духовного сословия. В той же мере эту драму усугубляет и всероссийское пореформенное оскудение мужика:

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!

Не может быть счастливо духовенство, когда несчастлив народ, его поилец и кормилец. И дело тут не только в материальной зависимости. Несчастья мужика приносят глубокие нравственные страдания чутким людям из духовенства: "С таких трудов копейками живиться тяжело!" Выходит, напрасно противопоставляли мужики "счастливые" верхи "несчастливым" низам. Верхи оказываются несчастливыми по-своему: кризис, переживаемый народом, коснулся всех сословий русского общества. И вот мужики в финале главы "Поп" так отделивают Луку:

- Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
"Дворяне колокольные -
Попы живут по-княжески".
.....
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!

Но, в сущности, так можно было бы отделать не только Луку, но и каждого из семи мужиков, и всех их вместе. За бранью мужицкой здесь снова следует тень автора, который подсмеивается над ограниченностью первоначальных представлений народа о счастье. И не случайно, что после встречи с попом характер поведения и образ мысли странников существенно изменяются. Они становятся все более активными в диалоге, все более энергично вмешиваются в жизнь. Да и внимание странников все более властно начинает захватывать не мир господ, а народная жизнь.

Перелом в направлении поисков

В "Сельской ярмонке" странники приглядываются к народной толпе, являющейся главным действующим лицом. Поэт любит вместе с ними хмельным, горластым,

праздничным народным морем. Этот праздничный разгул народной души открывается яркой картиной купания богатырского коня. Черты богатырства подмечаются Некрасовым и в собирательном образе "сельской ярмонки". Широка, многолика, стоголоса и безбрежна крестьянская душа. В ней нет середины и меры, в ней все на пределе: если уж радость - так безудержная, если покаяние - так безутешное, если пьянство - так бесшабашное. Поэт не скрывает здесь и ограниченность крестьянского сознания, находящегося в плену жестоких суеверий, и убогость эстетических вкусов народа: торговцы выбирают на потребу мужиков изображение сановника "за брюхо с бочку винную и за семнадцать звезд". Порой Некрасов не выдерживает, вмешивается в повествование, произносит обращенный к читателю монолог:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого -
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Но здесь же рядом поэт восхищается народной отзывчивостью на чужую беду в эпизоде с пропившимся Вавилушкой, народной чуткостью к бескорыстной доброте Павлуши Веретенникова, выручившего деньгами беспутного мужика:

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

В "Сельской ярмонке" раскрывается не только душевная щедрость, но и природная одаренность народного характера. Как смотрят мужики комедию, разыгрываемую в балагане Петрушкой? Они не пассивные зрители, а живые участники театрального действия. Они "хохочут, утешаются и часто в речь Петрушкину вставляют слово меткое, какого не придумаешь, хоть проглоти перо!".

Пусть народный вкус размашист и не лишен безобразия, пусть народные верования подчас темны и не лишены изуверства, - но во всем, и в красоте, и в безобразии, народ не жалок и не мелочен, а крупен и значителен, щедр и широк:

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется -
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой!

Яким Нагой. В третьей главе "Пьяная ночь" праздничный пир достигает кульминации. Атмосфера бесшабашного горласто-праздничного разгула постепенно становится драматически напряженной, взрывоопасной. То тут, то там вспыхивают ссоры:

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,

Смолкает, подымается
Народная молва.

Ожидается грозное разрешение, разрядка. И вот в финале "Пьяной ночи" это происходит. Самим движением народного мира подготовлено появление из его глубины сильного крестьянского характера, Якима Нагого. Он предстает перед читателем как сын матери - сырой земли, как символ трудовых основ крестьянской жизни: "у глаз, у рта излучины, как трещины на высохшей земле", "шея бурая, как пласт, сохой отрезанный", "рука - кора древесная, а волосы - песок". Яким уже не поддакивает барину, Павлуше Вере-тенникову. Он мужик бывалый, в прошлом занимавшийся отхожим промыслом, поживший в городах. У него есть свое, крестьянское представление о сути народной жизни, свое, крестьянское чувство чести и собственного достоинства. В ответ на упрек Веретенникова в народном пьянстве Яким гордо и дерзко обрывает барина:

Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!

Отстаивая трудом завоеванное чувство крестьянской гордости, Яким видит общественную несправедливость по отношению к народу:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Но за этими словами стоит и крестьянское сознание значительности труда хлебороба как первоосновы и источника жизни всех сословий русского общества. Наконец, в устах Якима о народной душе звучит и грозное предупреждение:

У каждого крестьянина
Душа что туча черная -
Гневна, грозна - и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям.

Пока - все вином кончается, но Яким неспроста предупреждает, что "придет беда великая, как перестанем пить", что парни и молодухи "удаль молодецкую про случай сберегли". И народный мир отзывается на предостережения Якима удалой и согласной песней:

Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Так с появлением Якима Нагого уточняется провозглашенное попом понятие "честь". Оказывается, что честь чести рознь. Одно представление о чести крестьянское и другое - дворянское. Наконец, с Якимом Нагим случается история, которая впервые ставит под сомнение собственнический, денежный критерий счастья. Во время пожара Яким бросается в избу спасать любимые им картиночки, а жена его - иконы. И только потом крестьянская семья вспоминает о богатстве, скопленном в течение всей многотрудной жизни. Сгорел дом - "слились в комок целковики":

"Ой, брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую

Повесил их небось?" -
"Повесил - есть и новые",-
Сказал Яким - и смолк.

Картиночки да иконы оказались дороже целковых, хлеб духовный - выше хлеба земного.

Ермил Гирин

Начиная с главы "Счастливые" в направлении поисков счастливого человека намечается поворот. По собственной инициативе к странникам начинают подходить "счастливыцы" из низов. У большинства из них велик соблазн хлебнуть вина бесплатного. Но сам факт их появления знаменателен в эпопее. Внимание семи странников все более и более захватывает многоголосая народная Русь. Звучат рассказы-исповеди дворовых людей, лиц духовного звания, солдат, каменотесов, охотников. Все мужицкое царство вовлекается в диалог, в спор о счастье. Конечно, "счастливыцы" эти таковы, что странники, увидев опустевшее ведро, с горькой иронией восклицают:

Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!

Но в финале главы звучит рассказ о счастливом человеке, подвигающий действие эпопеи вперед, знаменующий более высокий уровень народных представлений о счастье. Ермил - "не князь, не граф сиятельный, а просто он - мужик!". Но по своему характеру и по влиянию на крестьянскую жизнь он посильнее и поавторитетнее любого. Сила его заключается в доверии народного мира и в опоре Ермила Гирина на этот мир. Поэтизируется богатырство народа, когда он действует сообща. Рассказ о Ермиле начинается с описания тяжбы героя с купцом Алтынниковым из-за сиротской мельницы. Когда в конце торга "вышло дело дрянь" - с Ермилом денег не было,- он обратился к народу за поддержкой:

И чудо сотворилось -
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!

Это первый случай в поэме, когда народный мир одним порывом, одним единодушным усилием одерживает победу над неправдою:

Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны...

Подобно Якиме, Ермил наделен острым чувством христианской совестливости и чести. Лишь однажды он оступился: выгородил "из рекрутчины меньшого брата Митрия". Но этот поступок стоил праведнику жестоких мучений и завершился всенародным покаянием, еще более укрепившим его авторитет. Совестьливость Ермила не исключительна: она является выражением наиболее характерных особенностей крестьянского мира в целом. Вспомним, как Ермил рассчитывался с мужиками за мирской их долг, собранный на базарной площади:

Рубль лишний, чей - Бог ведает!
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.

Всею жизнью своей Ермил опровергает первоначальные представления странников о сути человеческого счастья. Казалось бы, он имеет "все, что надобно для счастья: и спокойствие, и деньги, и почет". Но в критическую минуту жизни Ермил этим "счастьем" жертвует ради правды народной и попадает в острог.

Странники и помещик

Постепенно в сознании крестьянства рождается идеал подвижника, борца за народные интересы. В пятой главе первой части "Помещик" странники относятся к господам уже с явной иронией. Хотя помещик и выставляет себя перед мужиками их защитником и благодетелем, странники ему не верят и над ним посмеиваются. Они уже понимают, что дворянская "честь" не многого стоит:

"Извольте: слово честное,
Дворянское даю!"
- Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!

Странники заговорили с бариним так же дерзко и раскованно, как и Яким Нагой. Но даже не это более всего, удивляет Оболта-Оболдуева, помещика, знающего мужика лучше всех других сословий русского общества. Его приводит в изумление, что бывшие крепостные взвалили на себя бремя исторического вопроса "кому на Руси жить хорошо?". Это так неожиданно для барина, что он, как лекарь, руку каждому из мужиков пощупал: уж не больны ли они. Почему? Да потому, что вчерашние "рабы" взялись за решение проблем, которые издревле считались дворянской привилегией. В заботах о судьбе Отечества видело дворянство русское свое историческое предназначение и после отмены крепостного права. А тут вдруг эту единственную миссию, оправдывающую его существование, у дворянства перехватили мужики! Вот почему,

Нахотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: "Наденьте шапочки,
Садитесь, господа!"

За желчной иронией Оболта-Оболдуева скрывается горькая для него жизненная правда: судьба помещичья теперь оказывается зависимой от этих мужиков, ставших гражданами России. "И мне присесть позволите?" - обращается вчерашний господин с вопросом к своим "рабам".

Глава "Помещик" в отличие от главы "Поп" внутренне драматична. Исповедь Гаврилы Афанасьевича, глубоко лирическая, многоплановая и субъективно честная, все время корректируется ироническими репликами мужиков, снижающими ее возвышенный пафос. Монолог помещика Некрасов выдерживает от начала до конца в традициях эпопеи: речь идет не столько об индивидуальном характере Оболта-Оболдуева, сколько о дворянском сословии вообще. Поэтому рассказ помещика включает в себя не только "удар искросыпительный", но и поэзию старых дворянских усадеб с их русским хлебосольством, с общими для дворян и мужиков утехами, и тысячелетнюю историю дворянства, и серьезные раздумья над современным состоянием русской жизни, в чем-то близкие авторским:

На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
"Навынос и распивочно".

Как замечает современный исследователь эпопеи Некрасова Н. Н. Скатов, "такой емкий образ вряд ли можно было бы найти в романе, повести или драме. Это образ эпический, который тоже представляет своеобразную энциклопедию помещичьего сословия, но включенный именно в народную поэму, оцененный народным умом. Потому-то весь рассказ помещика спроецирован на крестьянское восприятие и постоянно корректируется им. Мужики здесь не пассивные слушатели. Они расставляют акценты, вмешиваясь в помещичью речь редко, да метко. Недаром рассказ помещика и всю эту последнюю главу первой части завершает мужицкое слово, мужицкий приговор:

Порвалась цепь великая,
Порвалась - расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..

Как и в случае с попом, повествование помещика и о помещике не есть простое обличение. Оно также об общем, катастрофическом, всех захватившем кризисе. И о том, что народ есть в этом положении сила единственно здоровая, умная, красивая, условие развития страны и обновления жизни. Потому-то в последующих частях поэмы Некрасов оставляет намеченную сюжетную схему (поп, помещик, купец...) и художественно исследует то, что и составляет суть и условие эпического произведения, народной поэмы - жизнь и поэзию народа в их неисчерпаемости".

Матрена Тимофеевна. "Крестьянка" подхватывает и продолжает тему дворянского оскудения. Странники попадают в разоряющуюся усадьбу: "помещик за границую, а управитель при смерти". Толпа отпущенных на волю, но совершенно не приспособленных к труду дворовых растаскивает потихоньку господское добро. На фоне вопиющей разрухи, развала и бесхозяйственности трудовая крестьянская Русь воспринимается как могучая созидательная и жизнеутверждающая стихия:

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц...

В центре этой толпы, воплощая в себе лучшие качества русского женского характера, предстает перед странниками Матрена Тимофеевна:

Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

Воссоздается тип "величавой славянки", крестьянки среднерусской полосы, наделенный сдержанной и строгой красотой, исполненный чувства собственного достоинства. Этот тип крестьянки не был повсеместным. История жизни Матрены Тимофеевны подтверждает, что он формировался в условиях отхожего промысла, в краю, где большая часть мужского населения уходила в города. На плечи крестьянки ложилась не только вся тяжесть крестьянского труда, но и вся мера ответственности за судьбу семьи, за воспитание детей. Суровые условия оттачивали особый женский характер, гордый и независимый, привыкший везде и во всем полагаться на свои собственные силы.

Рассказ Матрены Тимофеевны о своей жизни строится по общим для народной эпопеи законам эпического повествования. "Крестьянка",- замечает Н. Н. Скотов,- единственная часть, вся написанная от первого лица. Однако это рассказ отнюдь не только о ее частной доле. Голос Матрены Тимофеевны - это голос самого народа. Потому-то она чаще поет, чем рассказывает, и поет песни, не изобретенные для нее Некрасовым. "Крестьянка" - самая фольклорная часть поэмы, она почти сплошь построена на народно-поэтических образах и мотивах.

Уже первая глава "До замужества" - не просто повествование, а как бы совершающийся на наших глазах традиционный обряд крестьянского сватовства. Свадебные причеты и заплачки "По избам снаряжаются", "Спасибо жаркой баенке", "Велел родимый батюшка" и другие основаны на подлинно народных. Таким образом, рассказывая о своем замужестве, Матрена Тимофеевна рассказывает о замужестве любой крестьянки, обо всем их великом множестве.

Вторая же глава прямо названа "Песни". И песни, которые здесь поются, опять-таки песни общенародные. Личная судьба некрасовской героини все время расширяется до пределов общерусских, не переставая в то же время быть ее собственной судьбой. Ее характер, вырастая из общенародного, совсем в нем не уничтожается, ее личность, тесно связанная с массой, не растворяется в ней.

Матрена Тимофеевна, добившись освобождения мужа, не оказалась солдаткой, но ее горькие раздумья в ночь после известия о предстоящем рекрутстве мужа позволили Некрасову "прибавить о положении солдатки".

Действительно, образ Матрены Тимофеевны создан так, что она как бы все испытала и побывала во всех состояниях, в каких могла побывать русская женщина".

Так достигает Некрасов укрупнения эпического характера, добиваясь, чтобы сквозь индивидуальное просвечивали общерусские его черты. В эпопее существуют сложные внутренние связи между отдельными частями и главами: то, что лишь намечено в одной из них, часто развертывается в другой. В начале "Крестьянки" раскрывается заявленная в "Помещике" тема дворянского оскудения. Обозначенный в монологе попа рассказ о том, "какой ценой поповичем священство покупается", подхватывается в описании детских и юношеских лет Григория Добросклонова в "Пире - на весь мир".

Савелий, богатырь святорусский

От главы к главе нарастает в поэме мотив народного богатырства, пока не разрешается в "Крестьянке" рассказом о Савелии, богатыре святорусском, костромском крестьянине, выросшем в глухом лесном краю у Кореги-реки. Название "корежский край" привлекало Некрасова как символ трудовой выносливости и неизбывной физической силы народа-богатыря: "корежить", "гнуть", "ломать". Даже внешний вид Савелия олицетворяет могучую лесную стихию, обладающую громадной силой сопротивления всякому насилию, всякому давлению извне:

С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.

Этот мужик-богатырь, когда лопнуло терпение корежских мужиков, долго сносивших самодурство немца-управляющего, произнес свое бунтарское слово "Наддай!": "Под слово люди русские работают дружной". Столкнув ненавистного Фогеля в яму, мужики-землекопы так "наддали", что в секунду сровняли яму с землей.

Савелий - первый в поэме стихийный народный бунтарь со своей крестьянской философией: "Недотерпеть - пропасть, перетерпеть - пропасть". Он познал и острог в Буй-городе, и сибирскую каторгу. Однако ничто не сломало свободолюбивого духа, и когда его называют "клейменым, каторжным", он отвечает весело: "Клейменный, да не раб!.." В самом терпении народном Савелий видит воплощение несломленных и зреющих крестьянских сил:

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней - сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

Но грозная сила Савелия не лишена противоречий. Не случайно и сравнивается он со Святогором - самым сильным, но и самым неподвижным богатырем былинного эпоса. Савелий и в размышлениях своих такой же богатырь-туго-дум. Он не спешит с однозначными выводами по поводу грядущей крестьянской судьбы:

Не знаю, не придумая,
Что будет? Богу ведомо!

Есть в его раздумье и мрачные пророчества. Не случайно Матрена Тимофеевна в ответ на рассуждения Савелия о богатырстве замечает иронически:

Ты шутишь шутики, дедушка!
... Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!

Матрена Тимофеевна имеет право на такую шутку; по мужеству и жизнестойкости она ровня Савелию-богатырю. Но есть в ее характере и явное преимущество. В отличие от Савелия она не терпит: она действует, ищет и находит выходы из самых драматических ситуаций и с гордостью говорит о себе:

Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Так постепенно, по мере смены событий и героев, в поэме складывается обобщенный образ иного счастливецца. Таким счастливеццем оказывается борец за народные интересы. В движении и развитии находится у Некрасова и массовый, собирательный образ народного мира.

Народный мир в движении

В "Последыше" мужики деревни Большие Вахлаки разыгрывают после реформы "камедь" подчинения выжившему из ума князю Утятину, соблазнившись посулами его наследников-сыновей. Некрасов создает сатирический образ тех полукрепостнических отношений, которые установились между помещиками и крестьянами после реформы 1861 года, когда крестьянство на многие десятки лет осталось в фактической зависимости от господ. В начале "Последыша" вновь звучит сквозная в эпосе тема народного богатырства:

"Прокосы широчайшие! -
Сказал Пахом Онисимыч. -
Здесь богатырь народ!"
Смеются братья Губины:
Давно они заметили

Высокого крестьянина
Со жбаном - на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.

Так создается почти скульптурный памятник, олицетворяющий неистощимую силу и мощь крестьянского мира. Но в резком контрасте с этим мажорным вступлением оказывается поведение мужиков, играющих шутовскую роль добровольных рабов перед напоминающим Лихо Одноглазое, выморочным князем Утятиним.

Вначале эта "камедь", эта фальшивая игра в покорность вызывает улыбку читателя. Тут есть и артисты вроде мнимого бурмистра Клима Лавина, с каким-то упоением входящего в назначенную ему миром роль:

"Отцы!" - сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем
При мысли о помещиках
Заликовала вдруг...

Но чем долее продолжается игра, тем чаще в ней проскальзывают черты правдоподобия. Возникает сомнение: игра ли это? Уж слишком похожа она на правду. Сомнение подтверждается не только словами Пахома: "не только над помещиком, привычка над крестьянином сильна", - но и реальными поступками вахлаков. Вот мужики идут посмотреть на комедию, которая будет разыграна с приездом князя Уяттина, но встают "почтительно поодаль от господ". Вот Клим входит в раж и произносит очередную верноподданническую речь, но у дворового вместо смеха "слезы катятся по старому лицу". А рядом с этими произвольными проявлениями холопства встает холопство Ипата уже по призыванию и убеждению. Да и самый главный шут Клим Лавин в минуту откровения говорит:

Эх, Влас Ильич! где враки-то?
Не в их руках мы, что ль?..

Временами комедия превращается в жестокую, трагическую игру, убийственно действуя на Агапа Петрова - человека с проснувшимся и еще не окрепшим чувством собственного достоинства. И если сперва вахлакам кажется, что они потешаются над помещиком, то вскоре выясняется, что в действительности они унижают самих себя. Неспроста говорит мудрый Влас разыгравшемуся шуту Климу Лавину:

Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни - вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки.
Не три-четыре месяца,
А целый век... Да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Против мужиков оборачивается их наивная вера в сыновей князя Уяттина, "гвардейцев черноусых", посуливших за вахлацкую комедию поемные луга. Умирает "последыш",

А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются дондесь...

Внешне "Пир - на весь мир" является продолжением "Последыша": вахлаки после смерти князя Уяттина справляют "поминки по крепям". Но по существу в "Пире" изображается

принципиально иное состояние мира. Это уже проснувшаяся и разом заговорившая народная Русь. В праздничный пир духовного пробуждения вовлекаются новые и новые герои: весь народ поет песни освобождения, вершит суд над прошлым, оценивает настоящее и начинает задумываться о будущем. Далеко не однозначны эти песни на всенародной сходке. Иногда они контрастны по отношению друг к другу, как, например, рассказ "Про холопа примерного - Якова верного" и легенда "О двух великих грешниках". Яков мстит барину за все издевательства по-холопски, совершая самоубийство у него на глазах. Разбойник Кудеяр в праведном гнев убивает народного врага пана Глуховского. Причем после этого убийства рухнуло громадное дерево, которое Кудеяр по обету, во имя искупления грехов, начал подтачивать ножом. И трудиться бы ему до скончания века, если бы вонзившийся в сердце пана Глуховского нож не сбросил с разбойника вместе с упавшим деревом "бремя грехов". Так высшая народная нравственность, освященная авторитетом религиозной веры, оправдывает праведный гнев против угнетателей и даже насилие над ними.

Гриша Добросклонов

И как бы в ответ на этот рост народного самосознания из разноречивого хора крестьянских голосов, поднимаясь над ними, начинают звучать песни Гриши Добросклонова, русского интеллигента, знающего о том, что счастье народное может быть достигнуто лишь в результате всенародной борьбы за "непоротую губернию, непотрошеную волость, избыточно село", которые ищут теперь забывшие давно о первоначальной цели путешествия, духовно выросшие странники.

.....
Рать подымается -
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

"Последние песни"

В начале 1875 года Некрасов тяжело заболел. Ни знаменитый венский хирург Бильрот, ни мучительная операция не могли приостановить смертельной болезни - рак спинного мозга. Вести о ней вызвали поток писем, телеграмм, приветствий и адресов со всей России. Общественная поддержка укрепляла слабеющие с каждым днем физические и духовные силы поэта. И в мучительной болезни своей, преодолевая боль, он продолжает работать и создает книгу стихов под названием "Последние песни".

Приходит время подведения итогов. Некрасов понимает, что своим творчеством он прокладывает новые пути в поэтическом искусстве, необыкновенно расширив сферу поэтического, включив в нее такие явления жизни, которые предшественники и современники считали уделом "прозы". Он обогатил отзывчивый на чужое несчастье, на чужую радость и чужую боль авторский голос поэтической стихией многоголосия, присвоив себе народную точку зрения на жизнь, создавая произведения, которые народ признавал за свои, которые превращались в знаменитые народные песни, в популярные романы. Он создал новую лирику любви, новый тип поэтической сатиры. Только он решался на недопустимую в прошлом стилистическую дерзость, на смелое сочетание элегических, лирических и сатирических мотивов в пределах одного стихотворения, как в "Размышлениях у парадного подъезда" или "Железной дороге". Некрасов понимал, как он расширил возможности поэтического языка, включая в лирику сюжетно-повествовательное начало. Именно он, как никто другой из его современников, творчески освоил русский фольклор: склонность к песенным ритмам и интонациям, использование параллелизмов, повторов, "тягучих" трехсложных размеров (дактиля и анапеста) с глагольными рифмами. В "Кому на Руси жить хорошо" он поэтически осмыслил пословицы, поговорки, народную мифологию, но главное - он творчески перерабатывал фольклорные тексты, раскрывая потенциально заложенный в них революционный, освободительный смысл. Необычайно раздвинул Некрасов и стилистический диапазон русской поэзии, используя разговорную речь, народную фразеологию, диалектизмы, смело включая в произведение разные речевые стили - от бытового до публицистического, от

народного просторечия до фольклорно-поэтической лексики, от ораторско-патетического до пародийно-сатирического.

Но главный вопрос, который мучил Некрасова на протяжении всей жизни и особенно остро в последние дни, заключался не в формальных проблемах "мастерства". Как русский писатель, он был верен русскому пониманию искусства слова, подмеченному французским писателем Проспером Мериме в разговоре с Тургеневым: "Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совершенно противоположной дорогой: они хлопчут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске..." Русская дорога ставила перед Некрасовым один, главный вопрос: насколько его поэзия способна изменить окружающую жизнь и получить приветный отклик в народе. Мотивы сомнения, разочарования, порою отчаяния и хандры сменяются в "Последних песнях" жизнеутверждающими стихами. Самоотверженной помощницей умирающего Некрасова является Зина (Ф. Н. Викторова), жена поэта, к которой обращены лучшие его помыслы. По-прежнему сохраняется у Некрасова тема материнства. В стихотворении "Баюшки-баю" устами матери Родина обращается к поэту с последней песней утешения:

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...

Некрасов умер 27 декабря 1877 года (8 января 1878 года по новому стилю) в Петербурге. На его похоронах возникла стихийная демонстрация. Несколько тысяч человек провожали его гроб до Новодевичьего кладбища. А на гражданской панихиде вспыхнул исторический спор: Достоевский в своей речи осторожно сравнил Некрасова с Пушкиным. Из толпы революционно настроенной молодежи раздались громкие голоса: "Выше! Выше!" Среди оппонентов Достоевского наиболее энергичным был Г. В. Плеханов, революционер-народник и будущий первый теоретик марксизма в России.

Вопросы и задания: Почему тема дороги стала основной в поэзии Некрасова? Какие жизненные обстоятельства сформировали характер ярославско-костромского крестьянина? Что нового внес Некрасов в любовную лирику? Каковы источники и смысл христианских мотивов в творчестве Некрасова? В чем своеобразие "народных заступников" Некрасова в сравнении с "особенным человеком" Рахметовым и "новыми людьми" у Чернышевского? Почему "Коробейники" можно назвать "народной поэмой"? Как оценивают современную жизнь России герои "Коробейников"? Объясните драматический смысл финала этой поэмы. Какую роль в сюжете "Коробейников" играет образ Катериночки? Раскройте своеобразие "Мороза, Красного носа" как поэмы эпической. Какие особенности русского национального характера дороги Некрасову в этой поэме? Дайте характеристику лирики Некрасова 70-х годов. В чем особенности жанра и композиции "Кому на Руси жить хорошо"? Что нового в народные представления о счастье вносят Яким Нагой и Ермил Гирин? Почему странники относятся к помещику иронически? Какие художественные средства использует Некрасов для изображения богатырства Савелия? Чем отличается от Савелия Матрена Тимофеевна? Как изменяются народные представления о счастье на протяжении всей поэмы-эпопеи? Что нового внес Некрасов в историю русской поэзии?